

Эдуард Веркин
Мария Некрасова
Ирина Щеглова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 55

Вендиго, демон леса
Когда приходит Тварь
Нож оборотня

Большая книга ужасов

Ирина Щеглова

**Большая книга
ужасов – 55 (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Щеглова И. В.

Большая книга ужасов – 55 (сборник) / И. В. Щеглова —
«Эксмо», 2014 — (Большая книга ужасов)

Эдуард Веркин «Вендигго, демон леса» «...На первый взгляд они напоминали людей. Голова, руки-ноги, одежда. Правда, драная, грязная и какая-то мешковатая, точно ее сняли с более толстых и рослых людей и надели на дистрофиков. Или если бы эти рослые и крупные люди вдруг усохли в два раза и от этого почернели. Они словно поднялись в мир из шахт, из подземелий, никогда не видевших света. Череп, обтянутый кожей, глаза белые и выпуклые, с маленькими, в точку, зрачками. Коричневые, будто никогда не чищенные, зубы, острые и злые, готовые к делу. В целом твари походили на оживших мертвецов из фильмов. Вендигго. Так они назывались...» Мария Некрасова «Когда приходит Тварь» Раз в месяц, когда приходит полная луна, Ира остается дома одна, вешает на двери замок, а на окна – железные скобы и цепь и ждет. Ее родственники всегда уезжают из дома заранее, чтобы, не дай бог, не увидеть... Соседи потом целый месяц вспоминают, как шумно было в их квартире: звенело разбиваемое стекло, стены содрогались, когда по полу скакало что-то тяжелое. Но Ира всегда отговаривается, мол, друзей в гости приглашала. На самом деле друзей у нее нет. Она одинока. У нее есть только она сама и... Тварь. Ирина Щеглова «Нож оборотня» Вовка не ждал приключений от обычной поездки за город. И когда автобус сломался посреди заснеженного леса, мальчик не испугался, а вызвался сбегать на лыжах за помощью. Страшно стало потом, когда вдоль дороги засверкали желтые волчьи глаза и послышался вой стаи, вышедшей на охоту...

© Щеглова И. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Эдуард Веркин	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Большая книга ужасов – 55 (сборник)

© Веркин Э., 2014

© Щеглова И., 2014

© Некрасова М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Эдуард Веркин Вендиго, демон леса

Глава 1 Охота

К полудню я вышел к дороге.

Я услышал ее еще утром – смесь запахов мазута, и разогретого железа, и ржавчины, так могла пахнуть лишь железная дорога после нескольких месяцев жары, ну и дохлятиной, конечно, по большей части птицами. Вообще дохлятиной у нас теперь почти везде пахнет, я привык и уже почти не замечаю, но тут соловьев попало много, никогда не думал, что их столько в мире водится, по двадцать штук на каждый километр. Мертвые, но протухнуть не успели, словно высохли изнутри, и если нечаянно наступить, то белый прах взлетает облачком, точно от мышьей баньки, а глаза как бы остекленели, и крапинки красные внутри рассыпались, как бусы. Соловьи, однако.

Птицы сдохли. Вот что-то про выпь слышал, вроде бы она не болела, и журавли еще уцелели, а остальные все передохли, что дрозд, что страус, по радио еще месяц назад передавали. Дроздов я, кстати, тоже встречал в последнее время, лежали себе под ясенями, впрочем, может быть, это были щеглы, в птицах я не очень. А соловьев я узнавал, я и раньше встречал их дохлыми, а возле железной дороги соловьев валялось почему-то гораздо больше. Я устроился под старой осиной и отдыхал, стараясь привести дыхание в порядок, собраться с мыслями. Я здорово изменился за последнее время, стал думать по-другому. Сложнее, равнодушнее, старше, я постарел, сделался скучен и полюбил покой, дохлые соловьи мне совсем не нравились. Хотя мне в последнее время не нравилось все подряд, обращать внимание на это не стоило.

По дороге никто давно не ездил, здесь все тихо и забыто, и иван-чай, полыхнувший в апреле, заполонил насыпь и пророс даже сквозь рельсы, а в мае он уже высох и покоричневел, и пах аптекой и покоем.

Только вот здесь было совсем не безопасно, я не знал почему, просто знал. Может, из-за того, что примерно в километре к западу за поворотом лежал опрокинутый поезд.

В лесу совсем уж тихо, и мне это тоже здорово не нравилось. Когда не поют птицы, все время хочется оглянуться, все время ждешь нападения, все-таки лучше, когда они поют, только нет, сдохли они все, чума, однако, зацвели и загнили болота, выпустили пагубу...

Звери тожедохнут, впрочем.

Я лежал около получаса, думал – куда? Через дорогу или вдоль? Очень хотелось через, в лес, в надежную полумглу подлеска, нырнуть, раствориться и бежать, бежать, бежать, а к вечеру привычно найти лежку, забиться в коряги, в старую барсучью нору, выспаться. Но я понимал, что так нельзя. Лес пуст, а питаться черникой и лягушками третий день подряд я не мог, я не медведь какой. Поэтому вдоль дороги, к поезду, там наверняка что-то должно было остаться, еда, не ел уже три дня, много бегал и здорово спал в весе. С одной стороны, конечно, легко, с другой – сил мало осталось.

Направился все-таки к поезду. Медленно, чтобы слышать каждый свой шаг. Чтобы слышать, как скатывается по насыпи мелкий камешек, потрескивает высохший чертополох пополам с кипреем.

Лес вдоль линии был по-осеннему желт и даже немного прозрачен, листья опадали, при каждом шевелении ветерка податливо срывались с ветвей. Мир был желт, сух и хрупок, трава рассыпалась в летучую пыль под моими ногами, и эта пыль заставляла чесаться и без того

воспаленные глаза. И небо, сожженное яростным зноем последних месяцев, оно тоже лезло в глаза, и спастись от этого было никак нельзя, язык распух и вываливался, и удержать его совсем не получалось.

С головой у меня еще проблемы, болит часто и сильно. Наверное, из-за того, что мозг не справляется с нагрузкой. Ведь я вышел в цвет. Нет, я и раньше различал некоторые цвета, особенно простые и яркие – красный, зеленый, синий, но теперь все стало по-другому, теперь на меня обрушились оттенки. Мозг заполнился лишней информацией и ощущениями, отчего я не узнавал некоторые предметы, и напротив, стал лучше различать другие. Спать еще все время хотелось. И уставал больше, засыпал чаще, просто так засыпал, чуть ли не через каждый час. Вот как сейчас, устал очень, уже не гожусь.

Я приближался к поезду, запахи становились резче и определенной, и я слышал, что еда там есть, точно есть.

Рельсы поворачивали вправо, начиналась низина, насыпь стала выше, можно было подняться на пути, но выходить на открытую местность не хотелось совсем. Решил шагать вдоль – так и незаметнее, и ручей в низине, может, не совсем пересох, удастся попить – с водой тоже трудности.

Впрочем, зря я надеялся на воду, не было ее, ручей пересох еще весной, в окаменевшей тине чернели вяленые головастики, они воняли рыбой и водорослями, я выбрал головастика побольше и попробовал.

Есть это было нельзя, колючки, и какая-то сухая дрянь, и вкус тины, гадость редкая, только слюну зря потратил.

Я поглядел влево, туда, где из насыпи торчала дренажная труба, из трубы тянуло гнилью и жженым пластиком, я не стал проверять, похоже, что там кто-то сдох, по запаху напоминает барсука, а ну его.

Перебрался через мертвый ручей и пошагал дальше, к повороту, за которым лежал развороченный состав.

Место катастрофы выглядело страшно. Вагоны друг на друге, изжеванный металл, колесные пары валяются вокруг, земля вспучена и вскореежена, погнутые рельсы задираются к небу, вещи. Вещей много, и все свеженькое, будто вчера все тут произошло. Клетчатые матерчатые сумки, портфели, рюкзаки, плоские компьютерные кейсы, все это лежало в желтой траве, почти совсем нетронутое, только кое-где мелочь просыпана, зубные щетки вот – их было слишком много, казалось, что этот поезд вез только зубные щетки.

Пахло едой уже очень сильно, настоящей едой, сухарями в круглых банках, чипсами, я попробовал воздух на язык и обнаружил, что сухари совсем рядом, в десятке метров, в синем вагоне с выбитыми стеклами, в корзине. Лежат. Я увидел эти сухари сквозь расстояние, и живот мой сжался в комок и заворочался внутри, как взбесившийся еж, и я уже почти озверел и уже почти рванул в вагон...

Почти.

В последнее время сильно болит голова, кроме того, меня преследуют предчувствия. Иногда я хочу пойти прямо, и останавливаюсь, и начинаю думать – стоит ли прямо? Может, лучше направо? Вот и сейчас я остановился и стал чего-то ждать. Когда тебе хочется немедленно куда-то бежать, лучше задавить это желание и хотя бы немного подумать, задержать дыхание, чтобы запахи не отвлекали. Или просто подождать, не стоит руководствоваться зовом желудка.

Вот я и ждал.

Налетел сухой ветер, вокруг меня завертелся хоровод листьев и запахов, и я не удержался и вдохнул. Крысы, шоколад, бумага, высохшие еще в мае васильки, солидол и уголь и еще сорок три запаха и сто два оттенка, они ворвались в мой мозг и мгновенно нашли соответствия, и вызвали резкий приступ головной боли, так что я закрыл глаза и присел на рельс, и...

Я услышал ее.

Тварь. Молекулы тяжелого смрада, смешавшиеся с запахами знойного лета. Она поджидала меня на той стороне, в зарослях шиповника, если бы не ветер, внезапно сменивший направление, я бы и не узнал.

Наверное, дежурный. Твари завалили поезд уже давно и явно устроили пир – а для чего еще поезда ронять? Скорее всего поезд был загружен беженцами, уходящими к северу, много людей, есть чем поживиться, твари собрались здесь, в глухом удобном месте, и когда вагоны опрокинулись и люди выбрались на насыпь, они были готовы. А когда все закончилось, твари разложили по насыпи вещи и стали ждать.

Ловушка. Безмозглый мародер видит разрушенный поезд, видит разбросанные вещи и жадно стремится к смерти, как крыса, которая чувствует сыр и не чувствует мышеловку. Конечно, мародеров становилось все меньше и меньше, и тварей, которые их стерегли, тоже, и в конце концов осталась только одна, она сидела в кустарнике, поджидала кого-нибудь к завтраку.

Расстояние есть, приличное, если сорвусь прямо сейчас, может, и не прицепится. Во всяком случае, сильно подумает, прежде чем пускаться в погоню в одиночку – твари весьма чувствительны к энергозатратам и никогда не израсходуют больше, чем смогут получить. В одиночку гнать тяжело, а я отощал, мяса во мне негусто... К тому же я их вкусовым предпочтениям не очень соответствую, жестковат, и вообще не вхожу в их пищевую цепочку. Вполне может быть, она пока про меня не знает, у твари, конечно, неплохой нюх, но не такой, как у меня, именно поэтому я еще и жив. А некоторые из них уже нет.

Если честно, мне почти сразу захотелось отсюда убраться. Перемахнуть через рельсы – и в подлесок, в подлесок, в тайгу, в тундру, вряд ли они туда добрались, хотя в наши дни все бывает, может, они уже везде. И я уже почти шагнул в сторону, когда снова качнулся ветер.

Загривок прочесала морозная дрожь, точно в шею мне вонзился ледяной еж, есть же морские ежи, почему не быть ледяным?

Я услышал человека.

Человека трудно с чем-нибудь спутать, человек воняет. Конечно, тварь не идет ни в какое с человеком сравнение, но в человеке тоже ничего ароматного нет, воняет, порой и смердит. Потом, страхом, соплями.

Я не слышал человека уже больше месяца, во всяком случае, живого. А этот был жив. И передвигался. Он шагал по рельсам, причем довольно беззаботно шагал – я его не только носом слышал, но еще и ушами. Как он наступал на гальку, как громко дышал и всхлипывал, и еще какой-то звук был, я не мог его определить, что-то негромко лязгало, точно человек что-то за собой тащил.

Дурачок какой-то. Он что, не знает, что в мире творится? Впрочем, возможно, и на самом деле дурачок, я и таких встречал. Психика не выдерживает, ломается, у людей удивительно неустойчивая психика, я это уже давно понял.

Что ж он так гремит-то?

Тварь сдвинулась. Ее запах усилился, я отчетливо слышал, как она идет вдоль насыпи параллельно с человеком. Разумеется, она шагала практически бесшумно. Она увлеклась человеком, и меня она не чуяла, я вполне мог уйти, какое мне дело до этого ненормального, что сам сунулся в пасть? Как он вообще выжил с такими-то навыками?

Интересно, почему не нападает? Этот дурень ничего не слышит, а тварь не нападает. Наблюдает. Впрочем, они любят поиграть, и сущность их в этом прекрасно проявляется, они ведь звери.

Она дождется, пока человек приблизится к еде, и выскочит из укрытия. Конечно же, человек испугается. Если у него найдется оружие, он будет стрелять. С таким же успехом можно стрелять в стену. Он испугается и побежит, и тварь пойдет за ним. Человек – легкая

добыча, это будет уже не охота, это будет прогулка. Сплошное удовольствие – гнать добычу, зная, что ты в состоянии достать ее в несколько секунд. Или, может, по-другому – она хочет отогнать человека обратно к югу, к стае своей? Тоже правильно, мясо само пришло, тащить не надо. Умная тварь. Бедный человек.

Бедный глупый человек.

Пусть сам разбирается, почему я должен ему помогать? Люди меня в последнее время не баловали, наоборот, за четыре последних месяца меня пытались убить трижды. Два раза стреляли, один – пытались сбить машиной. Про отравленное мясо я не вспоминаю, оно было разбросано почти возле каждого более-менее крупного населенного пункта. Так же, как трупы собак, енотов, иногда даже кошек – вот уж не мог подумать, что кошки им тоже мешали. Видимо, мешали, кошки – они ведь тоже слышат.

Бедный глупый человек, зачем ты сюда пришел?

Потом я уловил то, что мне совсем не понравилось. Запах человека – он был мне знаком. И теперь я понимал, почему человек попался в такую простую ловушку.

Человеку было совсем мало лет. Одиннадцать, может, двенадцать.

Глава 2

Лисий Лог

В мае я решил, что достаточно уже оторвался. В мае я решил остановиться. Поглядел в лужу и сказал себе, что вспоминать больше не буду. Не буду, никак, выкину из головы, сотру из памяти, не было ничего, не было, не хочу, чтобы в моей голове сохранился этот ужас, хоть капелька его, хоть точка. Все забыть, движения, запахи, звуки, хочу, чтобы в голове у меня пустота шептала, чтобы свет там только оставался, разливался от переносицы, плясали бы перед глазами разноцветные пятна, а в ушах море бы шумело. Или хотя бы озеро.

Здесь озеро было не такое, меньше в два раза и не шумит. Здесь вообще все маленькое, совсем крохотный городок, тысяч восемь, не больше, спокойное тихое место, несколько полудохлых источников с водой, пахнувшей тухлыми яйцами. Местность лесистая, изрытая оврагами, прорезанная ручьями, впадающими в вытянутое рогаликом озеро, людей немного, мне как раз подходит. Ондатры везде, как только начинает смеркаться, так они и вылезают из берегов, пускаются купаться и булькать, и пожирать придонных червей, тупые безмозглые животные, милые и безвредные речные крысы. А лис совсем нет, несмотря на название. И до железных дорог далеко, в последнее время я раздражителен к ним.

И промышленности тут никакой – и это тоже радовало. Если есть промышленность, есть и дороги, есть движение и суета, а мне нужна тишина, покой мне нужен, чтобы в себя прийти, забыть окончательно, отдохнуть. А вообще, кажется, тут раньше был курорт – в окрестностях слишком много заброшенных зданий, стоят в лесу, глядят пустыми окнами. Санатории. Лечились здесь раньше марциальными водами, а потом мода на воды прошла, городок завял, хотя воды продолжали быть вполне себе целебными – я сам попробовал: пил два дня и почувствовал себя гораздо лучше. Я стал различать ручьи по целебности воды, некоторые хорошо действовали на желудок, от других не хотелось есть, третьи делали эластичными суставы. И воздух тут был хорошим, пах травой и землей, и очень скоро я нашел в зарослях над оврагами золотой корень и другие полезные травы, что оказалось как раз кстати, и я решил остаться здесь подольше, немного поправить здоровье. Нервную систему опять же, а может, и на зиму решу остановиться – один ручей был почти горячий, и как раз недалеко от него заброшенная грязелечебница с вполне себе нормальным подвалом. Оставалось решить вопрос с питанием.

Вокруг Лисьего Лога сохранились неплохие леса, сосновые рощи, лиственницы, и небольшой кедровник, над оврагами росла малина и ежевика, на опушках – щавель и земляной орех, в прудах обитали жирные и ленивые лягушки, но если честно, это было все не то. Конечно, я мог начать промыслять мелкую домашнюю живность, ее тут водилось изрядно, и козы, и куры, и свиньи, добыть кого-нибудь было совсем нетрудно. Нетрудно, но опасно, все животноводы очень не любят, когда их питомцев зажирают, поэтому в их сторону лучше и не смотреть. Я думал.

За неделю я изучил окрестности довольно неплохо, выяснил, что обычных источников пропитания тут нет – ни мусорных контейнеров, ни ресторанов, а на единственную свалку местные жители выбрасывали только пластиковые бутылки и ничего съестного. Неплохим подспорьем стали трюфели, которые я, к своему удивлению, выучился отыскивать, трюфели оказались вкусными и вполне себе питательными, я научился их запасать и хранить. Но трюфели скоро закончатся, они грибы сезонные, надо бы что-нибудь понадежнее.

И через неделю я нашел то, что мне требовалось.

Я обходил городок кругами, с каждым днем эти круги расширяя. И через три дня возле небольшой лесной речушки, впадающей в озеро, я наткнулся на оздоровительный лагерь, засек его по запаху – продвигаясь через лес, зацепился за тонкую ленту сочного мясного аромата.

Гороховый суп.

Раньше я ненавидел гороховый суп, разваренную желтую бурду, от которой пучило живот и к горлу поднималась изжога, теперь же...

Запах горохового супа показался мне восхитительным. Несколько минут я стоял и нюхал, ну, и еще немного подозревал. В последнее время у меня часто болела голова, снились странные бессмысленные сны, а иногда я еще слышал. Шорохи. Вздохи за спиной, я оглядывался и ничего не видел, и запахов вроде никаких, но все равно неприятно. Это от одиночества, если долго остаешься один, начинаешь слышать и видеть то, чего нет. И от того, что случилось, – не каждый удержится в разуме после того, что видел я. Да и по голове я получил изрядно, глаза совсем недавно ровно смотреть стали. И от цвета. И вообще моему мозговому разложению было множество причин.

Именно поэтому запах горохового супа в лесу меня изрядно смутил, и некоторое время я старался разобраться – настоящий ли он?

Настоящий. Вряд ли галлюцинации могут длиться дольше пяти минут, гороховый суп на копченых костях присутствовал в нашей вселенной, и довольно недалеко от меня. Я выдохнул, а затем снова втянул воздух и уловил еще много вкусного и не очень – пшеничную кашу с изюмом и черносливом, черный хлеб, грязные носки, чай со жженым сахаром, мокрое белье, мышей, шоколад, дым, жареную рыбу, я повернулся и поспешил в сторону запаха.

С каждым шагом он становился все сильнее и сильнее, и я уже различал в запахе супа пережаренный лук и горелую морковь, наверняка нарезанную квадратиками, я тянулся за этим запахом, но тут справа зафыркал мотоцикл. Я успел спрятаться в кочках и пронаблюдал, как со стороны города тащится старый, еле живой «Урал» с прицепом и сильно проржавевшей люлькой. В прицепе болтались два бидона с молоком, которое по пути превратилось уже почти в сливки, в люльке был хлеб, черный, кислый и вкусный. Вел мотоцикл пацан лет шестнадцати, к заднему сиденью мотоцикла он привязал флаг, когда мотоцикл влетал в канаву, флаг вздрагивал и развевался. На синем фоне рыжая лисья морда с черной повязкой через правый глаз, и галстук там еще был, зеленый, или тоже оранжевый, цвета все-таки плавали.

Лагерь. Это большая удача, я рассчитывал на привал охотников, на становище браконьеров, на привал копателей золотого корня, а тут лагерь. Возле лагеря можно продержаться до осени, а если очень повезет, то и зиму перетерпеть.

Мотоцикл протарахтел мимо, и я потащился вслед за ним, за хлебом и сыром, и через пару километров действительно встретился лагерь, он назывался так же, как город – «Лисий Лог». Здесь пахло уже совсем по-другому – баней, краской, медициной и антикомариными химикатами, бананами, здесь скрипели качели, свистели свистки, и кто-то орал и бил в кастрюлю. Приближаться к лагерю я не стал, не теряя времени, направился к главному месту. Конечно, у лагеря обнаружилась своя помойка – у каждого уважающего себя лагеря помойка должна наличествовать, небольшая, но весьма питательная. Я расположился возле нее в крапиве и стал ждать. Помойка выходила к этим зарослям, и ровно в три со стороны столовой показалась могучая повариха с большой алюминиевой кастрюлей, пахнувшей разной едой. Повариха поставила кастрюлю на землю, жадно закурила, после чего опрокинула кастрюлю и удалилась, а я приступил к трапезе.

Не скажу, что я был в восторге от вареных картофельных очисток, недоеденной каши и копченых костей... Хотя нет, я был в восторге. На какое-то время я позабыл даже про то, что меня могут заметить, просто лопал, чавкал и брызгал слюной, а потом под картофельными очистками обнаружил чудесную говяжью кость с неожиданно щедрыми обрывками мяса. И тут уж я совсем не удержался и, как самая заправская собака, схватил ее поперек и уволок в глубь леса, свалился в траву, и стал ее грызть, крошить зубами, стараясь добраться до костного мозга, а потом уснул, не удержался, успел только заползти под смородину.

Проснулся уже ближе к вечеру. Со стороны лагеря доносились трубные звуки и какой-то задорный рев, я прислушался и обнаружил, что это хоровое пение, кажется, «любо, братцы,

любо». Я был сыт, меня не искушали комары, было тепло, а со стороны помойки пахло свежей порцией еды. Я зевнул как следует и направился в сторону запаха.

Вечером в лагере давали творожную запеканку. Я умял восемь порций и успокоился, еда всегда меня успокаивала. Побродил немного вокруг «Лисьего Лога» и отыскал несколько полезных мест: старую бочку, в которой можно было переждать дождь, пригорок – на нем стояла водокачка, и лагерь оттуда просматривался отлично, ручеек с чистой водой, в котором не пересыхала вода, полянку с крупной земляникой. Нашел еще несколько заброшенных лисьих нор, для меня недостаточно просторных и поэтому бесполезных, нашел крапивные заросли, похожие на джунгли, старый вертолет, вросший в землю почти по пояс. Вертолет меня заинтересовал, потому что в нем обнаружилось сразу несколько тайников с конфетами и шоколадом, причем некоторым из них было по году, а то и больше – забытые, и я ими воспользовался.

И скоро я был сыт, у меня появилась крыша над головой, только вот лето... Оно оставалось жарким и ненормально сухим, с марта ветер не принес ни одного облачка, а солнце, напротив, жарило как ненормальное. Но в лесу было много тени, она позволяла бороться с жарой. Очень скоро я отлежался и успокоился. И набрал вес, прибавил, наверное, килограммов пять и оброс мускулами, и шерсть стала толстой и крепкой, даже подшерсток завелся, густой и войлочный. Кости, скверно сросшиеся и от этого начинавшие ныть под каждое утро, успокоились. Морда же приобрела угрюмое, тяжелое выражение, так сильно пугавшее многих, так что когда я подходил к ручью попить водички, укрепляющей пищеварительную систему, я видел в воде весьма устрашающую картину. Хоть сейчас на выставку. Время, проведенное возле лагеря, явно пошло мне на пользу, я стал забывать весь этот кошмар, и порой мне казалось, что всё, что случилось, случилось совсем не со мной. Что это был сон, липкий тягучий морок, каким-то образом прорвавшийся из эфемерного мира грез в наш...

Не хочу вспоминать.

Лагерь жил своей летней лагерной жизнью, и скоро от нечего делать я оказался в курсе всех этих каникулярных дел. От скуки. От печали. Видимо, в лагере отдыхала волейбольная команда, во всяком случае, в волейбол они играли с утра до вечера, с перерывами на обед, завтрак и ужин, хорошо так играли, разбившись на две команды – я забирался к водокачке и болел за ту, что в белых футболках, и она отчего-то всегда проигрывала. По вечерам в лагере случалось обязательное пение, в обед все хором изучали португальский язык, днем спали в гамаках, подвешенных между деревьями, так хорошо спали, что меня тоже клонило в сон, и я укладывался возле водокачки и спал, прислонившись к теплему ржавому боку.

Вообще атмосфера в лагере царила сонная, скорее всего из-за жары. И в волейбол они резались тоже как-то медленно, особенно после обеда. Эта сонная жизнь втянула и меня, плюс регулярное питание, плюс покой, и однажды я, как всегда, после обеда уснул. В кустах рядом с волейбольной площадкой.

Уснул себе и спал в покое, чувствуя, как какой-то наглейший муравей ползал у меня по носу, а может, это была божья коровка, жук-паровоз или еще какой-нибудь жук с дурацкой фамилией, гнать мне его было лень. Конечно, что-то там в голове не спало, потому что я слышал, что происходит вокруг, и слышал даже свист подлетающего мяча. И успел разжмуриться, и меня тут же хлопнуло по лбу, причем с такой силой, что из глаз брызнули крупные звезды.

И тут же я слышал голоса, двое пробирались через кусты и ругались, я не успел отползти, замер, постаравшись вжаться в землю и стать невидимым. Они остановились рядом со мной, один почти наступил мне на лапу.

– Ты чего так лупишь? – спросил один голос.

– Я не луплю, просто... Просто так получилось...

– «Так получилось»... – передразнил первый. – Ищи теперь в этих зарослях... Уже второй мяч теряем, между прочим, за неделю. Если не найдем, то Власов заставит сожрать две буханки черного. С майонезом.

– Не хочу с майонезом...

– А я и без майонеза не хочу.

Они замолчали и принялись шарить по кустам, мяч все не находился и не находился, со стороны площадки свистнули.

– Не находится! – крикнул один из искавших.

– Играйте запасным! – крикнул второй. – Сейчас найдем!

Я слышал, где лежит мяч, он закатился в одну из нор и застрял недалеко от входа.

– Нет нигде, – сказал второй. – Как провалился сквозь землю...

Они снова пустились бродить по кустам, бестолково вытаптывая лесные травы, плюясь и ругая Власова, и вообще лагерные порядки, и компот из прошлогодних сухофруктов. И вдруг остановились, и один сказал:

– Странно как-то... Мячи пропадают прямо на ровном месте, чертовщина все-таки тут у нас...

– Сейчас везде чертовщина. Мне брат звонил из дома, у них там тоже всякая ерунда происходит.

– Какая ерунда?

– Да всякая. Люди пропадают.

Я почувствовал в животе неприятную пустоту, хотя еще недавно я сходил к своей любимой кухне и позавтракал вчерашними макаронами. Люди пропадают. Значит, остановить это не удалось, значит, все продолжается. Хотя ведь люди могут пропадать по разным причинам.

– Как пропадают?

– Так. Брат рассказывает, у них соседи пропали. Жили себе жили, а потом раз – и нет их. Сразу целая семья.

Мальчишка перешел на шепот:

– И никаких следов не осталось. Они просто вышли куда-то ночью и дверь не закрыли. И другие люди исчезают – то здесь, то там. А по ночам кто-то бродит...

– Кто?!

Рассказывающий выдержал надлежащую паузу и продолжил пугательный рассказ.

– Оборотни, – сказал он. – Так-то...

– Вервольфы, что ли?

– Да не, оборотни просто. Вервольф – это когда человек в волка превращается, а оборотень это наоборот – зверь в человека. А самого человека он убивает, чтобы никто не узнал. Вот ты думаешь, что это твой друг, а это на самом деле не твой друг.

– А кто?

Рассказчик не ответил.

– Ты с чего это вдруг рассказал? – спросил второй. – Про друзей-то?

– Ни с чего. Просто. Просто ты не замечал, что Рыков... как-то изменился? После того, как он в лесу тогда заблудился.

– Изменился?

– Ну да. Ты вот посмотри, какого цвета у него глаза стали. Цвет поменяли. И в столовке он только мясо жрет. А вчера ночью я видел – едва только стемнело и все уснули, Рыков выбрался из своей койки, огляделся и направился напрямик-прямоком... А-а-а! – рявкнул рассказчик.

Его собеседник взвизгнул и, кажется, подпрыгнул.

– Придурок! – вскрикнул он. – Идиот! Дебил!

– Испугался! – Рассказчик довольно рассмеялся. – Это шутка, не дергайся, давай лучше мяч искать.

– Дурак, я язык себе прикусил...

Они продолжили поиски, продолжили шуршать по кустам, а я лежал не шевелясь, все боялся, что они вот-вот меня обнаружат, и со страху наделают в штаны, и побегут вызывать взрослых...

Не нашли. И мяч не нашли, в норы заглянуть, конечно, не додумались.

– Куда все-таки мяч делся? – спросил рассказчик минут через пять блужданий. – Тоже исчез. Странно. А ты про наш этот лагерь историю слышал?

– Нет.

– Тоже мрак. Раньше тут была психлечебница, вот в этом самом месте. И тут опыты на психах проводили разные.

– Опыт?

– Ага. Сверхлюдей выводили. Чтобы лучше думали и быстро бегали. А трупы прямо здесь, в лесу, закапывали.

– Какие трупы?

– Обычные. Психи то и дело умирали, не получалось из них суперменов. Вот их здесь и закапывали.

– Прямо в лесу?

– Ага. Вот тут вокруг нас одни сплошные могилы, может, мы сейчас тоже на могиле стоим...

Нет тут никаких могил, если бы были, я бы чувствовал, я чувствую и столетнюю могилу, и раньше если, а тут чисто. Какие-то кости, конечно, лежат, но совсем древние. Кстати, и про психов вранье, выдумки, никаких психических лечебниц тут не было, я знал это наверняка. После лечебниц всегда остается тяжелый дух, в таких местах трудно дышать, а здесь ничего, как обычно.

– Ладно, хватит рыскать, – рассказчик плюнул. – Всё, исчез мяч.

– Власов...

– А пошел-ка этот Власов! Тут клещей наверняка полным-полно, нацепляем – мало не покажется. Я не собираюсь больше ничего тут разыскивать, а ты как хочешь.

– Да я тоже не хочу здесь, ну его. Тут и змеи вполне себе могут быть.

– И крокодилы.

– Крокодебилы!

Они рассмеялись и вернулись на площадку, а я остался лежать. Неприятные мысли бродили в моей голове, весьма неприятные. Люди пропадают целыми семьями. Конечно, это могли быть байки, дети любят сказки рассказывать, особенно страшные, но все же...

Все же я стал подумывать о том, чтобы податься еще дальше. От прекрасных здешних мест куда-нибудь поглуше. Казалось бы, ничего не случилось, подумаешь, болтовня...

Болтовня. С болтовней было тоже что-то не так просто. Через три дня после случая с мячом в томную послеобеденную пору я валялся в ручье, в тихом местечке, укрытом от посторонних глаз разросшимся вдоль воды кипреем. Вода текла прохладная, не успевавшая согреться на солнце, и в нестерпимую полуденную жару я пристрастился лежать в прохладе, к тому же вода текла явно полезная, настроение после нее у меня заметно улучшалось. К тому же в ручье водились пугливые рыбы необычной рубиново-изумрудной окраски, если я лежал в воде не шевелясь, они показывались из-под нависающих корней, приближались ко мне и начинали выбирать из шерсти мусор и прочую другую дрянь, это было приятно и полезно, самый все-таки настоящий курорт. И вот в один из дней я лежал в прохладе и дремал, наблюдая только за тем, чтобы голова не опустилась в воду, и слышал шаги, и это были совсем не дети. Сначала я почуял довольно противный сигаретный дым, смешанный с крутым чесночным ароматом, затем через лес затрещали шаги. Шли двое, это я определил легко, правда, вот ступали они как-то тяжело, не по-человечески, это меня насторожило, не люблю я слишком тяжелых людей, подозрительно это как-то.

Вот и сейчас мне это не понравилось, я осторожно вылез из ручья и, не отряхиваясь, выбрался на берег. Двое приближались. Я вдруг подумал, что они тащат тело. Так сосредоточенно и молча можно волочить только труп.

Но это оказался совсем не труп. Два мужика в спортивных костюмах, скорее всего физрук и завхоз, тащили ковер. Точнее, палас – длинную, похожую на кишку трубу, изогнутую посередине. Мне сразу как-то полегчало, мужики натянули между двумя соснами веревку, закинули на нее палас и принялись лупить хлопущками.

Работали они с душой, а пыли в паласе оказалось премного, она распространилась по сторонам едким облаком, достигла меня, я не удержался и чихнул.

– Слышал? – спросил физрук – от него пахло потом и матами.

– Не, – ответил хозяйственник, от него пахло хлоркой, стружкой и лопатами – каждая вещь пахнет особенно, особенно пахнут лопаты, загробным миром, если точно.

– Кашлянул вроде кто-то...

Хозяйственник рыгнул и достал папиросы.

– Шишка упала, – сказал он. – Шишки падают с удивительными звуками, это как дождь.

Они принялись лупить по коврику, и скоро в воздухе повисла тяжелая пыль, и мне захотелось чихнуть снова, так что пришлось прикусить язык. Звук от ковра получался громкий, он раскатывался по лесу, отскакивал от деревьев, заполнял собой все вокруг, бум-бум-бум, и тишина.

Тишина наступила разом, я растерялся, глаза защипало от пыли.

– И что ты про все это думаешь? – спросил физрук.

– Про что?

– Про собрание.

Хозяйственник не ответил, закурил. И физкультурник тоже закурил, и некоторое время они курили на пару и молчали, распространяя вокруг себя тревогу, и дым, от которого мне хотелось чихнуть еще сильнее.

– Собрание... По-моему, это чушь, – сказал хозяйственник. – Мракобесие мракобесит. Знаешь, мне иногда кажется, что наша Валентуха в секте состоит. Идея каждому ребенку выдать по навигатору... Это бред!

– Родители не против. Слышал, что в городах творится?! Дети-то пропадают вроде как.

– И пенсионеры еще. Все дружно пропадают, знаю-знаю. Иногда я сам думаю – а не пропасть ли?

– Зря шутишь, это серьезно. У нас тут спокойно вроде бы, но уже и здесь что-то...

– Что не то? – насторожился хозяйственник.

– Интернет не работает. И мобильники...

– Так они и сразу не работали, – сказал хозяйственник. – Тут место такое. Низина, ничего нового не работает. К тому же озеро может перекрывать.

– У меня сначала телефон работал. А сейчас... Я вчера на эту башню водонапорную забрался, попробовал оттуда. Только эсэмэска пришла с незнакомого номера. Там пишется, что на людей нападает кто-то...

– Кто?

– Ну... Вроде как... оборотни.

Хозяйственник засмеялся.

– Подростки прикалываются. Детки любят такие шутки, какие мне только эсэмэски не приходили...

– А если не прикалываются?

Хозяйственник стал хлопать по коврику. Редко, но сильно, с остервенением, хлоп-хлоп.

– Ты мне эти сказки, пожалуйста, не рассказывай, – попросил хозяйственник. – У меня нервная система ослаблена, сплю плохо, кричу по ночам, меня на лесопилке бревном ушибло.

– Нервная система... – вздохнул физрук. – Это да. Надо в городок, что ли, съездить, узнать как. А то давно не были.

– Надо...

Они продолжили выбивать ковер, а я отправился бродить по лесу. На меня опять накатило плохое настроение, опять предчувствия и все такое, весь день я ходил вокруг лагеря и думал, что мне делать. Выбор был – уходить или оставаться. Уходить вроде как пока не из-за чего, явных признаков нет...

Но я-то знал, как оно начинается. Вчера и явных признаков нет, а сегодня мертвяки под каждым кустом. Надо решать.

А в середине июня я понял, что выбор делать надо как можно скорее. Потому что меня заметили.

В тот день с утра в небе висела белая пелена, похожая на водяной пар, к полудню пар стал собираться в облачка, но в тучу так и не сложился. Поэтому я этот день и запомнил. Ну и заметили меня в этот день.

Я обнаружил это совершенно случайно, вдруг. Судя по утренней музыке, в тот день была суббота. С вечера я никак не мог уснуть, не мог даже нормально устроиться для сна, потому что под открытым небом не спалось, лезть в тесную лисью нору тоже не захотелось, оставался вертолет, в нем-то я и устроился, залез под скамейку поглубже и уснул, почему-то очень хорошо уснул, как когда-то я засыпал дома, устроившись между диваном и стеной.

Проснулся поздно. В вертолете сохранялась прохлада, и вылезать наружу я не спешил, отдыхал себе под скамейкой. А потом услышал – по лесу перли двое, судя по шагам, дети. Выскакивать из-под лавки было поздно, я вдавился в пол и замер.

Мальчишки приблизились к вертолету, обошли вокруг, постукивая палками по бортам, звук получался гулкий, точно я сидел внутри барабана.

– Тут он, – сказал мальчишка. – Вон, под лавкой. Лежит...

– Это волк? – прошептал другой мальчишка. – Точно волк?

Они замолчали растерянно, а я не знал, что мне делать. Разве я похож на волка? Вот уж не думал, волки и окраса другого, хотя вроде и черные тоже встречаются.

– Я тебе говорил – здесь он живет, в вертолете.

– Волк, – повторил испуганный. – Настоящий...

– Я тебе говорил, а ты не верил.

Выскочить, что ли? Шугануть их? Кинуться с рыком, зубами клацнуть? Не надо лучше, еще перепугаются, поджилки порвутся. Буду лежать. Какой я им волк? Кажется, те же самые, что искали мяч.

– Я его давно заметил, он возле кухни болтается, очистки жрет. И выследил потихоньку.

– И что?

От обоих обильно пахло котлетами, видимо, только что из столовой. Котлетами их тут кормят, хорошо живут. Поступить бы в такой вот лагерь на службу, охранять территорию, питаться шницелями и пшенной кашей. Хотя толку от меня, наверное, немного, вот и выследили...

Меня выследили, усмехнулся я. Какой-то сопляк выследил, нет, точно старею. Выследили, а взрослым не рассказали, интересно почему?

– Надо рассказать вожатым, – предложил испуганный. – Если это волк...

– Нет, – ответил первый. – Нельзя.

– Почему? – Испуганный закашлялся, и кашлял долго, до хрипа и слез. – Почему?

– Это же понятно.

– Что понятно? Что понятно?! Ты же помнишь, что на собрании говорили? Ну, когда лектор приезжал? Про собак? Взбесились все собаки, стали нападать на хозяев, если вы увидите собаку... Надо сразу же сообщить директору лагеря.

– Так это же волк.

– Что волк, что собака, какая разница... А потом, он и на собаку тоже похож, у нас у соседей такая была. Слушай, давай расскажем, а? А вдруг он тоже бешеный, как и остальные?

Испуганный хлюпнул носом. На волка, оказывается, я похож. Интересно.

– Он не бешеный, – сказал рассказчик. – Я за ним наблюдаю давно уже, он тут живет. Возле кухни кормится.

– И что?

– Да просто же все. Это ведь настоящая тайна! А может, его получится приручить, а? Представь, мы его приручим и велим на Власова кинуться, а? Прикинь, как Власов наделает в штаны, а?

Не нравится им этот Власов явно.

– Ну, да, наверное... А ты умеешь дрессировать?

– Я в цирковую студию ходил два года. Правда, мы там гимнастикой обычно занимались, пирамиды всякие... Но дрессировка тоже, основы преподавали. И потом у нас там пудель был. Это просто, короче.

Циркач. Везет мне, дрессировщик вот теперь, укротитель, сейчас как начнет укрощать, так сразу хоть топись.

– Давай сюда.

Зашуршали пакеты, и котлетами запахло сильнее, я подумал, что сейчас будут меня приручать. А ничего котлеты, пахнут неплохо, луку только много.

– Он спит, – сказал Циркач. – Дрыхнет.

– День же, – возразил второй, Пугливый. – Странно. Нет, он не спит, кажется... Может, он совсем... Умер? Вон, спина-то седая...

Вот уж не знал, что у меня седая спина. Не думал, что все так плохо, старость, однако. И вообще. Котлеты, однако, вкусные, пусть с луком.

– И что делать? – спросил Пугливый.

– Ты его ткни, а я ему котлету предложу.

– Ага, я его ткну, а он мне пальцы по локти откусит.

– Да не откусит, он спокойный. Седой. А потом он не волк все-таки, а собака. Седая только...

– Вот сам и ткни.

Они немного поругались, кому меня стоит побеспокоить, и никто из них не решился.

– Он, наверное, сильно есть хочет, – сказал Циркач. – Собаки всегда есть хотят...

– Так давай ему тут оставим, а сами уйдем.

– Давай, – с облегчением согласился Циркач.

Они оставили котлеты и убрались.

Котлеты оказались очень вкусные.

С тех пор я стал питаться еще лучше, гораздо лучше. Мальчишки таскали мне котлеты, иногда приносили много, сразу штук по двенадцать, и в такие дни у меня не возникало потребности идти к столовой. Обычно я прятался в зарослях крапивы вокруг вертолета и ждал, пока они оставят еду на лавке, однако постепенно я привык, и они привыкли, и я стал показываться. Они смотрели на меня с подозрением и не решались подойти, сидели на скамьях и болтали.

А я лежал и слушал. И настроение у меня ухудшалось и ухудшалось.

Глава 3

Нашествие

Вечером над лагерем повисла липкая тишина. Жара вытапливала из сосен смолу, и та растворялась в солнечных лучах, воздух был пропитан жидким янтарем, и любое движение вязло в нем, замирало и засыпало, сдавшись. Казалось, собирается гроза, небо давило на землю своей километровой высотой, у меня трещала голова и краснело в глазах, так что не было аппетита, я валялся в траве и смотрел, как перед моим носом пробивается из-под мха желтая упрямая сыроежка.

Во второй половине дня жизнь в лагере окончательно замерла, все попрятались по палатам, слышалось лишь потрескивание шифера по крышам и расхлябанное жужжание старенького кондиционера, задыхавшегося от перегрузки и запинавшегося на каждом шагу.

К сумеркам сыроежка окончательно выставилась из-под земли, развернула шляпку и тут же лопнула по краю, развалилась пополам и из треснувшего нутра посыпались мелкие черные жуки и белые черви с коричневыми головками. Меня едва не стошнило, а настроение испортилось совсем и надолго, не люблю червей.

Я отошел в сторону и попытался послушать лес, он оказался совершенно глух и молчалив, словно это был не лес, а его модель, точная, но неживая, лес стал как пластмассовый, ветерок умер среди деревьев, протух и опустился к земле, и все пропахло тленом. И паутины много стало, с утра уже дважды мордой впутывался, почти на каждом дереве, и пауки еще, и с крестиками, и без, и брюхо у каждого надутое, сытое. Наверное, это с птицами связано – птицы передохли, расплодились мухи, гусеницы и прочие древоточцы, и в ответ на их обилие народились пауки, разных величин, есть себе и вполне большие, неприятные, воняют смертью. Хуже паука воняет только комар, только комар. Пауки ждали – что-то должно случиться. Сегодня ночью. Землетрясение. Или цунами, или метеорит упадет, непременно, он уже идет к земле по своей неумолимой звездной дороге, и я чую его, и от этого страшно.

Я лег на землю и стал ждать. Небеса поворачивались, цепляя сосны зодиаками, а я думал – с чего это вдруг все вращается по часовой стрелке, а не наоборот, есть ли в этом смысл. Я пробовал закрыть глаза, и тогда созвездия начинали переворачиваться у меня в голове, и от этого я и сам вращался, только в другую сторону, и вселенная лежала у меня перед самым носом. А случилось уже перед рассветом, когда небо позеленело и приготовилось к свету.

Они появились разом, со всех сторон, я услышал их слишком поздно, когда они были уже метрах в пятидесяти. Между деревьями полилась кислая затхлая вонь, и я узнал в ней лис.

Я вскочил, пытаюсь понять, отчего их так много – запах накатывал волной, густой и плотной, так что я не сумел опознать количество зверей, их было слишком много, десятки, может, сотни. И со всех сторон.

Не удержался и зарычал, запах был слишком мерзкий, выжимал слезы и вызывал тошноту, я начал отступать к лагерю, пятиться, оскалившись. И вот они появились, между деревьями полыхнуло оранжевое, наверное, и не оранжевое, а какое-то грязно-желтое, справа тоже.

Лисы. Злые худые лисы, голодные и свирепые, они должны были жить тут, в земельных норах, однако на самом деле они пришли с юга в огромном количестве. С виду не бешеные, то есть никаких внешних признаков – ни слюны из пасти, ни пены, ни дикого взгляда, ни целеустремленности – бешеные, они всегда только прямо ходят, а эти вроде ничего, в глаза смотрят. И бегут семьями – я успел заметить щенков.

Зарычал громче и приготовился, оскалив зубы, лиса никогда не схлестнется с собакой, никогда. Конечно, их много, и если они нападут разом, мне не поздоровится. Но зачем им на меня нападать?

И почему они бегут?

Никогда не слышал, чтобы лисы вот так откочевывали...

Я вдруг понял, что они боятся. Не меня, нет, на меня они особо и не посмотрели. Они боялись другого.

Они замерли всего на секунду, а затем принялись огибать меня слева и справа, они торопились, и повизгивали, и тявкали, сучили лапками и косили на меня глазами, то есть не на меня, а как-то мимо меня, стараясь не пересечься взглядом.

Я стоял, набывчившись, а лисы обтекали меня по сторонам, их оказалось много, просто лисий потоп, лапы, зубы, хвосты, я захлебнулся в этой вони, но выбраться было уже нельзя, я оказался втянут в оранжевый водоворот, закружилась голова, меня затошнило.

В лагере завизжали, и вдруг завывла сирена, и послышались крики, лисы шли через лагерь, наверное, это было страшно. Ты спишь, и вдруг сирена, ты выскакиваешь наружу, а вокруг лисы, сотни, бегут непонятно куда, и что вообще происходит.

Слишком много лис, интересно, чем все это вызвано?

Я не успел понять, чем это вызвано, на меня кинулся старый матерый лис со рваными ушами. Он вынырнул из стаи и вцепился мне в плечо. Это оказалось не очень больно, но как-то неприятно, зубы оказались острые и тонкие, они пробili шерсть и вонзились в кожу, я двинул корпусом и стряхнул его, лис оказался легкий, точно мешок, набитый травой, он отлетел в сторону, тут же вскочил и умудрился опять повиснуть на мне. Я изловчился и откусил лису хвост.

Неожиданно.

Не знаю точно, но мне всегда казалось, что хвост для лис значит очень многое, во всяком случае, лишившись хвоста, лис заорал душераздирающе, с надрывом и болью, что меня, если честно, порадовало. До сегодняшнего дня я еще никому не откусывал хвост, оказалось, что это совсем не трудно, хвост был гораздо менее твердым, чем, допустим, швабра. Щелк зубами – нет хвоста. Бесхвостый завизжал и ринулся прочь, остальные же, напротив, рассердились, они бросились на меня с разных сторон, не знаю почему, чем я им помешал, наверное, просто стадное чувство, инстинкт – на дороге чужой, значит, его надо убрать, хотя я никакой агрессии не проявлял, а может, бесхвостый это им приказал. Может, бесхвостый – их вожак, приказал – и они напали.

Тактика у них была интересная – они набрасывались, кусали, стараясь повиснуть, а когда я хотел прижать лиса зубами, тот ловко отпрыгивал в сторону. Каждый отдельный укус не наносил значительного вреда, но этих укусов было слишком много.

Пожалуй, я бы мог их убить. Не всех, конечно, но некоторых точно, лисы слишком долго не пили воды и слишком хорошо подставлялись, наверное, от усталости, не знаю. От страха скорее всего, они боялись так сильно, что готовы были умереть. Но крови мне не хотелось, в сущности, лисы неопасные зверушки, немного нечистоплотные и склонные к поеданию мышей и падали, безобидные по большому счету. Пришлось откусывать хвосты.

Это оказывало на лис впечатление, действенная мера против лисьего беспредела, лишившись хвоста, лисы мгновенно утрачивали боевой настрой и отступали. Я откусил пять хвостов и не намеревался останавливаться на достигнутом, разозлили они меня очень.

Впрочем, лис было так много, что на замену одного бесхвостого тут же наступали двое хвостатых. И прыгали, и висли, целили в лапы, стараясь повредить сухожилия, это у них почти получалось. В конце концов я разозлился и цапнул пару штук по-хорошему, за бока и за лапы, до крови. Это несколько охледило лис, они схлынули и стали нападать издали, тявкали громче и с ненавистью.

В лагере тем временем продолжалась неразбериха. Продолжала вопить сирена, а еще кто-то звенел в релс, и слышались крики. Вряд ли лисы представляли настоящую угрозу, смысла нападать на людей у них никакого нет, просто... Это необычно, дико, лисье нашествие – где это видано.

Лисы нападали на меня и останавливаться не собирались, я начал отступать, я уже понял, что справиться с ними не удастся, и неплохо бы вообще убежать, конечно, это позор, но, с другой стороны, кто меня увидит? К черту этих лис...

Сбоку, я не заметил откуда, вынырнул тощий ободранный лисьяра, он извернулся, сложив спину почти пополам, впился мне в бедро и попал в нерв, так что боль прострелила меня от когтей на прибылых пальцах до кончиков ушей. Я рывкнул и ухватил лиса поперек морды, и сжал зубы, я мог бы сильнее, чтобы переносица у лиса сломалась, чтобы откусить ему верхнюю челюсть, но я опять не стал этого делать – с возрастом становишься сентиментальным. Я не выпустил его, оступился, и мы вместе скатились с пригорка к ручью. И тут уж я не стал себя ограничивать – содрал шкуру ему с переносицы, и все, этого хватило – вонючка отвалился в сторону, обгадился и прикинулся мертвым. Достойный сын лисьего племени, все они такие, чуть прижмешь – сразу помет мечут.

Едва я поднялся на ноги, как меня обступила уже маленькая стая, семь штук, все злые, запахучие и готовые к убийству. Прикинувшийся мертвым дристун тут же ожил, отряхнул лапы и присоединился к своим товарищам. Лисы прижали меня к ручью. К этому моменту я был изрядно искусан и устал, я остановился на берегу над глубоким участком, затем ободранец, страдающий некрепким желудком, скакнул ко мне, завизжал и клацнул зубами перед носом. Нет, я не испугался, просто это случилось слишком неожиданно, я опять оступился и съехал, сначала по брюхо, потом и глубже, хлебнул воды и закашлялся.

А лисы вдруг успокоились. Они смотрели, как я стою в воде, громко дышали и фыркали с видом победителей. Сами в воду не спускались, я тоже не спешил выбираться, возникла передышка.

Я понял, почему они шли через лагерь – из-за озера. От лагеря до озера по прямой меньше километра, а дальше можно вдоль восточного берега, на север. Вдоль западного берега никак, там болота, так что можно только через лагерь. Хорошо, что только лисы, если бы лоси побежали, было бы сложнее, лосю рога не откусишь, они у него твердые, перешибет копытом.

Лисы были совершенно безмозглы, они стояли с победительским видом и скалили зубы. Я почувствовал, что сил у меня не осталось, могу только стоять и смотреть, к тому же когда я старался рыпнуться, лисы начинали рычать и скрести когтями по земле.

Наверное, через час все закончилось. Шум, доносившийся со стороны лагеря, стих, лисы исчезли, а я остался в воде и сидел в ручье почти до вечера. Места укусов чесались, но воспаление не началось, края ран оставались бледными, это успокаивало. Конечно, инфекция могла проникнуть, но это станет известно не сразу, через пару дней, а значит, и думать об этом буду завтра. Лисы ушли, и я вполне мог бы выбраться на берег, мне очень хотелось лечь в мох и полежать, носом в подорожник, лапами в землянику. Только я не мог ничего с собой сделать – весь лес был заполнен вонью, лисьим запахом, и я тоже весь им провонял, даже ручей за многие часы не смыл с меня их кровь и слюни.

Я смог сломать себя только к вечеру. В лагере не зазвонили в колокол, и мне это не очень понравилось, я окунулся в воду еще раз, после чего выбрался на сушу.

Ноги дрожали. Кажется, я все-таки замерз, во всяком случае, я почувствовал холод – я затрясся, причем так сильно, что пришлось присесть. И зубы тоже защелкали, весь язык себе изгрыз, это ничего, главное, чтобы воспаление легких не подхватить, а лис переживем кое-как, переживем, через пару дней все выветрится.

Солнце уходило, с неба сбежал ветерок, стало холоднее, а еще между деревьями полетел пух, то есть лисья шерсть, которая осталась на кустах и деревьях, ветер сорвал ее и распустил в воздухе, и иногда эта шерсть втягивалась мне в нос, и я чихал.

Надо было сходить к лагерю и посмотреть, что там, но я никак не мог прийти в себя, не мог согреться, отправился куда глаза глядят, а потом и заблудился.

Первый раз в жизни я заблудился на такой небольшой территории. Нюх у меня оказался забит, и лагерь я не слышал. Солнце зашло как-то необычно, я пропустил момент, однако мне показалось, что оно зашло сразу в нескольких местах, отчего свет растекся по всем четырем небесным концам, и ориентироваться по солнцу тоже не получалось. Я очутился в странном пространстве, наполненном багровым светом, стволы деревьев сделались черными и мрачными, и листья, когда я смотрел на них снизу, на просвет были похожи на кости.

Стемнело окончательно, а я все брел меж деревьев, больной, усталый и ненужный. Здесь негде было путаться, озеро, ручьи, город и болота, и лесная дорога – куда ни двинься, наткнешься, но ни на что я не мог наткнуться, лес сделался одинаково мертвым и пустым, я потерялся в нем, я вообще давно потерялся...

И вдруг мох подо мной промялся, и я, не успев даже понять, что случилось, ухнул вниз, в темноту.

Испугаться я успел, если честно. Потому что решил, что это волчья яма, это было первое, что пришло в голову. Я ждал ржавых железных штырей. Или заточенных кольев. Или какой еще другой арматуры.

Не в этот раз.

Глава 4

Яма

Бродяга.

Так тогда сказал Клипер. Дух, забывший имя свое, это я. А мог бы быть дельфином, наверное, рассекать воду острым рылом, пасти стальные стада ставриды, следить за китовыми караванами, не знать границ, нестись в даль злой бездумной торпедой. Наверняка дельфином лучше. Море свободно, и в море нет этих... Хотя, собственно, почему нет? Океан огромен, вся планета – почти один океан, а в нем глубины, в нем мрак, в котором спят свои левиафаны и свои бегемоты.

Собственно, выбор не так уж велик. Обезьяны? Обезьяны – пародия на человека, лошади глупы, кошки... Слишком маленький мозг. Псы и дельфины. Может быть, тигры, хотя тигры – это те же кошки, а значит, с мозгом не дружат. Впрочем, нелюбовь к кошкам, это во мне от породы, бытие определяет сознание, конечно, далеко не целиком, но определяет, и кошки во мне вызывают всегда отвращение, даже сейчас.

Собаки. Наиболее подходящий объект.

Я зевнул и осмотрелся в сотый раз.

Видимо, это был старый колодец. Идеальная ловушка – поверх люка нарастал тонкий нежный слой мха, неудачник ступал на него и закономерно проваливался внутрь.

Стены бетонные, хотя и поросшие бесцветным прозрачным мхом, на дне тоже мох. И скелеты еще на дне. Кошачьи. Штук пять, не меньше. Глубина колодца метра три, для кошки не проблема, если бы не этот мох. Мох обрывался под когтями, и кошки падали вниз, а потом пробовали еще, и снова падали, ну и все. Хотя откуда посреди леса кошки?

Кто его знает. Мир – странная штука, кошки в самых неожиданных местах, теперь к кошкам прибавится собака. Потому что если даже кошки не выбрались, то куда уж мне, останусь здесь.

Скелеты были сухие и спокойные, умиротворенные, что ли. А еще в колодце было тепло, я поплотнее закопался в мох и закрыл глаза, спал, как всегда.

Мне снился дом. Мой старый дом, пахнувший прошлым веком. Люди. Те, что меня любили, те, что считали своим. Па, и Ма, и Ли. Те, что потом предали. Я видел их и знал, что они меня предадут, но я не мог от них отвернуться, я улыбался и верил, что все будет в порядке, во сне хотя бы.

Иногда я просыпался и смотрел в небо, на звезды, потом снова засыпал, и мне снились кошки. Сначала явился Кики, сел и стал смотреть, а потом еще другие подтянулись, и тоже давай пялиться, хотя если Кики я знал неплохо, остальные кошки были мне незнакомы.

Не шевелились еще они, то есть сидели, смотрели, и все. Неприятные кошки, вроде как и не кошки вовсе, что-то в них присутствовало постороннее, никак не мог уловить что. А потом вдруг оказалось, что кошки эти сидят ко мне спиной, мне почему-то сделалось очень интересно заглянуть этим кошкам в морды, но сколько я ни старался, у меня не получалось, кошки продолжали сидеть ко мне загривками. И при всем при этом мне было страшно увидеть этих кошек спереди, и страшно, и любопытно.

На следующий день прямо с утра я попытался выбраться. Ну, хотя бы попробовал попробовать. Ночью выпала роса, она скапливалась на мху, и я собирал ее языком, воды получилось довольно много, так что смерть от жажды мне не грозила. От голода тоже, во всяком случае, в ближайшее время. Надо подумать о будущем. Собственно, будущего у меня совсем немного, полтора метра в диаметре. Как-то я видел фильм про американские мертвые ямы – провалы в земле, куда периодически падали разные животные, и за тысячи лет накапливались тысячи скелетов. Интересно, с какой очередностью эти кошки сюда валятся? Раз в два года?

Я не испытывал особых надежд, даже дураку ясно, что вылезти отсюда не получится. Если бы тут имелась железная лестница, я бы, конечно, попробовал. Я знал пару овчарок, не очень далеких, но при этом чрезвычайно ловких псов, способных взлезать по совершенно вертикальным приставным лестницам, пару раз я пробовал, у меня не получилось, выше трех ступенек не продвинулся. Здесь лестницы не было вообще, для очистки совести я подпрыгнул, приземлился неуклюже, раздавив при этом прах какого-то Васьки. Прыжковая техника здесь не поможет. Вообще мало что, пожалуй, поможет, разве что потоп. Плавать я умею неплохо, так что если колодец зальет, я смогу всплыть.

А еще можно лаять. В принципе лагерь недалеко, в лесу тихо, и можно попробовать.

Я попробовал и выяснил, что голоса почти не осталось, вчерашнее сидение в ручье убило голос, я хрипел и брызгал слюной, выдавливая из себя только хрип и кашель. Но я все равно постарался. Только впустую, меня не слышали. Я мог тут орать до потери голоса, звук гас в стенах и улетал вверх. Хоть заорись – в космосе тебя никто не услышит. Поэтому я перестал лаять и лег в мох. Надо экономить силы, беречь воду, и думать о будущем, и не думать о том, что в колодце как-то тесновато.

Нет, тут на самом деле тесновато. Я сделал шаг вперед и уперся носом в бетон, сделал шаг назад и тоже встретился со стеной, и по бокам тоже была стена, вокруг, и колодец сжимался, и мне начинало казаться, что через минуту он сожмется совсем.

Я начал задыхаться. Я понимал, что это психика, воздуха здесь больше чем достаточно, тут смогут трое дышать вполне свободно, не то что я один, просто паника. Надо успокоиться, лечь на землю, зевнуть и хрустнуть шеей.

Так и сделал. Глаза не закрывал: стоило закрыть – и голова начинала беспощадно кружиться, просто смотрел в одну точку. В стену, в растрескавшийся бетон, сквозь который проросла трава, похожая на крапиву. Растрескавшийся бетон, холод, жара, вода, с каждым годом раскол все шире и шире, и вот уже можно ковырнуть...

Я протянул лапу и ковырнул, и неожиданно кусок бетона отвалился. И я ковырнул еще, и отвалился еще кусок, тогда я стал ковырять и ковырять и скоро проделал в стенке дыру, в которую можно было просунуть голову. Тогда я подумал, что в этом, наверное, есть какой-то смысл. А что, если раскопать побольше? Бетон проседет, надломится, и я смогу прокопать лаз. Конечно, тут лес и старые деревья, и корневая система наверняка развита, это не страшно, с корнями я справлюсь. Буду рыть лаз, это займет меня и отвлечет от кислых мыслей, и вообще я не какая-то там кошка. Кошка не смогла бы прорыться, а у меня сил хватит, башка-то пролезла.

Не очень хорошо пролезла, надо бы расширить лаз. Я сплюнул и принялся грызть бетон. Он был размокший и мягкий, довольно легко крошился под зубами, иногда я натывался на старую арматуру и отгибал ее. Через полчаса я расчистил место для раскопа, сломал зуб, он добавился к кошачьим зубам на дне, ладно, пускай, жизнь – это путь потерь, надо двигаться дальше. Я обрадовался земле, она была подходящая – мягкая, с преобладанием песка и редких корней, довольно мягких, я их легко перекусывал. И копал.

Это было не очень сложно, в конце концов копать не слишком интеллектуальное занятие, зато из головы все ненужные мысли выбивает. Вот я и копал.

Через два часа когти расслоились, еще через час сломались, я остановился и почувствовал боль. Лапы в крови и в земле, их сильно печет, пришлось выползти из норы. Я не только сломал когти, я еще стер подушки, так что даже стоять было трудно, приходилось лежать на брюхе. Я прокопал около метра, под небольшим уклоном вверх, узкий лаз, в который можно было протиснуться с трудом. Ничего, нормально, можно выкопаться. Если бы не лапы, наверное, через пару суток я смог бы выбраться наружу, теперь же придется ждать, пока лапы восстановятся, хоть чуть, пусть хотя бы коростой покроются.

Я лег на бок и опять уснул, провалился в жаркий мучительный сон, в котором вокруг меня опять стояли коты, а еще лап у меня не было, вместо них красные горячие шары, в кото-

рых пульсировала боль. Хотелось проснуться, но я нарочно не просыпался, терпел, так что боль в конце концов рассосалась, сон победил.

Проснулся и попробовал поковырять. Выть было легче, чем лаять, только все это опасно. Ну, услышат, ну, придут, заглянут. Так и вытаскивать меня не станут, зачем? Плюнут разве что. Так что зови не зови, вой не вой, только тоскливее делается, решил сидеть молча, одиноко. Вообще это интересно – оказаться в яме. Мир исчезает, вот только что он был огромный и загадочный, простирался и все дела – и вот вдруг он сжимается до полутора метров вокруг тебя, делается мал и забит кошачьими костями.

Умирать в одиночестве – невеселое дело, конечно, мне не привыкать... Но все равно.

После полудня опять попробовал копать. Уже не получилось. То есть совсем никак – каждое движение вызывало боль, я перегрыз несколько корней и вернулся в колодец. Все. До завтра рыть не смогу. Может, и до послезавтра. Когда лапы зарастут, попробую еще – если хватит, конечно, сил. Или зубами попробовать?

Попробовал. Копать зубами оказалось не очень, земля, конечно, поддавалась, но... Кому непонятно, может попробовать.

Я вылез из норы и лег. Теперь дно колодца было засыпано почвой, и мха не осталось, пришлось лежать в земле. Свежая земля напоминала о могиле, настроение от этого не особенно улучшалось, но делать было нечего. Так прошел день, и стало темнеть. За день я не услышал ничего, то ли колодец на самом деле располагался далеко от лагеря, то ли в лагере больше не осталось никого. Я на месте руководства после лисьего нашествия уже давно вывез бы всех детей, подальше вывез, или вообще по домам отправил бы. Потому что птицы просто так недохнут и лисы просто так не убегают, это ведь все знаки вполне себе недвусмысленные, любой разумный человек задумался бы.

Хрустнула ветка. Я насторожился. Ветка хрустнула вдруг, случайно. Кто-то подкрадывался. Именно подкрадывался – если бы он просто шагал, я бы уже давно знал о его приближении. Значит, он шагал осторожно, значит, намерения у него были не слишком добрые.

Камень. Он ударил в бетонную стенку колодца, отскочил и хлопнул меня в лоб. Едва не попал в глаз, больно, я едва не завыл, но удержался, и тут же в колодец попал еще один камень, и в этот раз он угодил мне в лапу. Это было еще больнее, я заорал.

Там, наверху, хихикнули и защелкали, щелчки походили на велосипедную трещотку, а хихиканье я узнал.

Шерсть у меня немедленно встала дыбом. И сердце забилося. И все внутри заболело, и сердце, и легкие, и желудок, и, кажется, кровь даже заболела. Захотелось заорать и выпрыгнуть в окно, не было тут окна, об стену с разбега захотелось. Только разбежаться здесь было негде.

Они меня нашли.

Нашли. Я прокусил язык.

Камни падали почти до утра. Тварь таскала их с берега озера и кидала издали, к колодцу не приближалась – я ее так ни разу и не увидел. Только слышал. Иногда она смеялась, иногда начинала прищелкивать, иногда что-то говорила на непонятном языке, от которого у меня бежали по спине мурашки, щерились клыки, а кожа на переносице собиралась в складку. Я не понимал смысла слов, но самих слов было достаточно, эти слова могли свести с ума, могли убить, что-то древнее и темное.

Она не решалась напасть. Если бы я встретил ее в лесу, шансов у меня было бы мало, другое дело в колодце, в тесноте. Поэтому и не нападала. Камни иногда прилетали вполне себе изрядные, размером с грейпфрут. Я прятался в раскопе и прикидывал – если она накидает камней достаточно много, я смогу по ним выбраться. Если до этого она меня, конечно, не убьет.

Иногда она прекращала обстрел и приближалась, чтобы убедиться, прислушиваясь ко мне, к моему сердцу. Она слышала, что я еще жив, и смеялась.

Иногда я срывался. Не от страха, от безысходности – принимался бешено лаять и кидаться на стены. Тогда она смеялась громче и с удовольствием, ее забавляла моя ярость, и вместо камня она кидала в колодец шишку. Тогда я лаял, старался придать голосу побольше ярости. Чтобы не возникло искушения подойти и расстрелять меня с короткого расстояния.

Наверное, это подействовало – тварь так и не приблизилась, кидалась издали камнями, утром ушла. Перед этим приблизилась к краю колодца и заглянула. Я увидел темный силуэт на фоне звезд. Я думал, она что-нибудь скажет. Но она промолчала. Она вытянула руку и разжала ладонь. Я шарахнулся в сторону, почему-то подумал, что она мне подкинула гранату, но это оказалась не граната.

Просто мертвая птица.

Глава 5

...И заглянут в окна

Теперь они не оставят меня в покое. Тварь ушла, но я был уверен, что она вернется вечером, едва только начнет темнеть, и скорее всего вернется не одна. Они соберутся вместе, спустятся к озеру и наберут булыжников. А потом просто похоронят меня заживо, это в их обычаях, они ведь любят, когда смерть медленна и мучительна. После меня они займутся лагерем. Вообще вряд ли им нужен я, нет, у них совсем другие интересы, но и меня они тоже не отпустят.

Ведь я их чую.

Я долго пытался понять – с чего это началось. Раньше ведь их не было, я точно помню. А потом...

Сначала одна. Одна, и я думал, что единственная. Что жара разбудила тварь, проникшую в мою семью, дремучее зло, зверя, охотившегося на людей тысячи лет назад. Оказалось, что я был не прав.

Их было много.

Я замечал их присутствие в больших городах, и в скромных поселках, и везде, где были они, пропадали люди.

Они приходили к людям и начинали жить рядом. И никто не видел, что это не люди, глупые иволги упрямо выкармливали на свою голову кукушат. Иногда, пробираясь сквозь лес, я обнаруживал ямы, похожие на могилы, точно кто-то выбирался из-под земли. Иногда я слышал запах тварей в поездах, приходивших с юга. Иногда я их видел среди людей – с виду почти как все, почти неотличимы.

Если бы не запах.

А еще очень часто я встречал собак, обычно мертвых.

Возможно, пришло их время. Земля разверзлась и выпустила дремавшее зло, солнце жарило не прекращая много дней, вымерли птицы, и собаки перестали быть друзьями.

Так вот оно.

Так.

Я проснулся поздно после рассвета, с распухшими лапами, с распухшей головой, с закисшими глазами. Вчера, когда я пытался выкопаться из колодца на поверхность, я сильно засыпал глаза землей, и теперь они воспалились, болели и ныли. Расслоившиеся когти зудели и чесались, хотелось пить, но вся влага, собравшаяся на мху, к моменту моего пробуждения уже испарилась, и мох просох, я взялся его жевать, но и здесь влаги добыть не удалось. Конечно, это не очень смертельно для человека, однако для меня уже завтра может стать серьезной проблемой. В обезвоживании нет ничего хорошего, придется проснуться пораньше и ждать, пока на стенках начнет собираться влага. А сегодня придется помучиться, в последнее время я это только и делаю, наверное, оттого, что совсем немного мучился раньше, ничего, придется потерпеть.

И надо копать. Копать, только так можно спастись.

Я сунулся в откопанную вчера нору и попытался копать, и, конечно же, не получилось – лапы немедленно ответили горячей болью, так что пришлось вернуться в колодец. Некоторое время я лежал в земле, глядел в стену и старался не думать, что получалось не очень хорошо, думал как нарочно. Время текло медленно, как оно всегда течет в таких ситуациях. Снаружи все было, как всегда, тихо и мертво, и от этого становилось страшнее. Вернее, плоше, страшнее – нет, совсем недавно я понял, что у страха есть всего две степени, собственно страх и ужас. И всё. Последнее время я часто находился в состоянии ужаса, так что страшнее мне не стало. Обидно просто – не хотел я вот так глупо и бесполезно, не в схватке, не в бою, а в яме. И ладно, если просто сдохнешь, так ведь до этого можно и с ума сойти.

Я снова решил спать. Делать все равно нечего, а выспаться никогда не помешает. Я устроился поудобнее у стены, подальше от камней, и снова уснул, закрыв больные глаза.

Собаки вообще спят при каждой возможности.

И снова мне приснился сон, только в этот раз мне явились запахи. Сначала лимон, потом мята и железо, и кактусы, а потом сразу соль и ветер, а еще песок и янтарь, он пах просто превосходно, почти так, как корица. Через миллион лет здесь будет море и дюны, и какие-нибудь уроды с мохнатыми ушами станут добывать этот янтарь и делать из него безвкусные бусы, и среди янтаря будут лежать наши кости и черепа, мои и кошек – что может быть хуже? И кто-нибудь возьмет мой гладкий белый череп и вставит в него янтарные глаза с дохлыми мухами.

– Бугер! Бугер!

Кто-то шел по лесу и звал какого-то Бугера, придурок Бугер не нашел другого места, чтобы потеряться.

– Бугер, ты где?!

Интересно, это кто?

Знакомый голос.

– Бугер!

– Да нет его тут. Давай спорить, а?

Второй голос мне тоже был знаком.

– Да еще немного поищем – и все, десять минут...

Они, Циркач и Пугливый. А Бугер это, кажется, я, ну в принципе на ту же букву.

– А почему Бугер? – спросил Пугливый.

– У соседей пса так звали, хороший был... Слышал – вчера Власов домой звонил. Просил родителей забрать его, говорил, что тут его убить хотят.

– Убить?

– Ага. Все про вампира твердит. Вампир его типа как выбрал, вампир его наметил, вампир за ним придет, вампир каждую ночь за ним наблюдает...

– А я ведь тоже видел, – перебил Пугливый.

– Что ты видел?

– Вампира. Ну, может, это не вампир был, а... Не знаю кто. Я вчера в бане полотенце оставил, сегодня с утра пошел забрать, а в кустах вроде как человек.

– Днем вампиры не ходят, – возразил Циркач.

– Это не совсем настоящий вампир, наверное. На бродягу похож, вся одежда лохматая и грязная. Я как его заметил, у меня сразу голова заболела сильно-сильно.

– Да... – протянул Циркач. – Странно все это. И вампир этот... И собака пропала.

– И лисы, – напомнил Пугливый. – Я про такое и не слышал. А в соседнем лагере зайцы. У нас лисы, а тут зайцы. Не то что-то происходит, животные с ума посходили. Сестра двоюродная мне звонила, у них в городе вообще бабочки.

– Бабочки?

– Ага, – подтвердил Пугливый. – Просто нашествие бабочек, говорит. Но не простых, а черных, и они стаями летают и на людей набрасываются.

– Зачем?

– Глаза стараются выпить.

Мальчишки замолчали, видимо, обдумывая про бабочек, раздирающих глаза, я тоже прикидывал – стоит ли мне погавкать, чтобы они услышали.

– Вранье, – сказал Циркач. – Вранье, наверное – ну, про бабочек... А может, и не вранье, с чего эти лисы побежали?

– А ты хвосты видел?

– Ага. Лисы хвост отбрасывают – вообще интересно, да? Как лося рога. Ладно, пойдем, еще там поищем, у озера.

– А может, не стоит? – Пугливый вздохнул. – Он, наверное, убежал, когда лисы пришли, он не дурак ведь. И вообще, ты чего так к этим собакам привязан, а?

– Да так... – Циркач щелкнул зубом. – Просто такая собака мне жизнь спасла.

– Как это?

– Да тонул когда-то.

– В проруби?! – с непонятым восхищением спросил Пугливый.

– Почему в проруби? Нет. В пруду. Я с мостика свалился, на лягушек засмотрелся – и тонуть стал сразу. А тут как раз мимо собака пробежала, увидела, что я тону, и сразу в воду прыгнула.

– И она тебя вытащила? – удивился Пугливый.

– Ну да. Она стала рядом плавать, а я за ее ошейник держался, пока взрослые не прибежали. С тех пор я таких собак уважаю, хотел даже завести, только у нас у матери кошки все время живут, мне не разрешают... Знаешь, я когда эту собаку увидел, я подумал, что это не случайно.

– Как это? – не понял Пугливый.

– Ну, так. Я думал, что таких собак уже не осталось, и вдруг тут... А теперь она потерялась.

Я гавкнул.

– Ты слышал? – спросил Пугливый.

– Вроде да... Лаает вроде...

Они замолчали, прислушиваясь, а я стал лаять громче. В этом было что-то унижительное, совсем немного, но все-таки. Ладно, хочешь жить, забудь про гордость.

Захрустел сухой мох, над краем колодца показались две головы.

– Он здесь, – прошептал Пугливый. – Вот это да... Как он сюда попал?

– Провалился, – ответил Циркач. – Я же тебе говорил, тут полным-полно подземных ходов, тут подземелья всякие, могилы.

– А что теперь делать?

Циркач не ответил. Он думал. А я ждал. Я знал, что делать – надо незаметненько сбегать в лагерь и взять лестницу, лестницу спустить ко мне, а я как-нибудь вылезу. Конечно, я не дрессированная овчарка, но тут уж как-нибудь напрягусь и вскарабкаюсь, к тому же если поставить лестницу правильно, наклон будет не такой уж и крутой.

Главное, чтобы они не позвали физрука, завхоза или еще какого взрослого, если у них хватит ума... Надеюсь, что хватит. Хотя они еще совсем мелкие, что с них взять.

– Надо веревку достать, – неуверенно предложил Циркач. – Можно от бани, там белье сушится...

– И что с веревкой делать? – спросил Пугливый.

– Бросить ему...

– Ага, а он сам этой веревкой обвяжется.

Можно завязать в узел, чуть не выкрикнул я. Навязать большой такой узел, я за него ухвачусь зубами, а вы потянете, и в общем-то, можно вылезти даже отсюда. А может, и нет – вряд ли им получится меня вытащить вдвоем, я здоровый, для меня таких трое надо.

– Да, – вздохнул Циркач. – А что тогда делать?

– Надо подумать. – Пугливый почесался.

Головы исчезли. Лестницу тащите, хотел крикнуть я, но вовремя решил помолчать, лучше их не пугать пока. Если честно, я совсем не мог придумать, как еще меня можно вытащить.

И вдруг я услышал, как они уходят. Оба, и Циркач и Пугливый. Если честно, я едва не завыл, с трудом удержался, кинулся на стенку, скрипнул зубами. Сел. Смотрел на небо, там летел самолет, кажется, бомбардировщик, моторов слишком много.

Я стал ждать. Они вернулись через час. Шагали тяжело, что-то тащили, я очень надеялся, что это лестница. Но оказалось нет, во всяком случае, они не стали ее ко мне спускать, что-то такое сбросили на землю и задышали тяжело, отдыхая.

– Надо кому-то слезть, – сказал затем Пугливый. – То есть в яму спуститься.

– Зачем?

– Установить, что непонятного-то. А он по ним и выскочит.

– А если не выскочит?

– Он же не дурак, усмехнулся Пугливый. – Знаешь, я читал, что такие собаки сообразительные, мне кажется, что он поймет. А сверху не установить, надо слазить. А ты с собаками лучше меня знаком.

Оба помолчали, покряхтели, что-то подвигали. Я их вполне понимал – кому хочется лезть в яму к такому, как я? Я бы сам не полез и никому не советовал бы.

– Ладно, – сказал Циркач.

Он заглянул в колодец.

– Ты как? – спросил он. – Безобразничать не станешь?

Пришлось сыграть собачку. Это довольно унижительно, но иногда приходится, в самых безвыходных ситуациях, конечно. Я уселся на землю, свернул умильную просительную морду, повилял хвостом и даже поскулил, что было уж совсем позорно.

– Да ничего он вроде, – сказал Циркач. – Жрать, кажется, хочет. Такие собаки всегда жрать хотят, они могут слона слопать.

– Смотри, чтобы он тебя не слопал, – усмехнулся Пугливый. – А то потом...

Циркач не ответил, полез в колодец. Достаточно ловко он это делал, видимо, гимнастикой занимался. На всякий случай я сместился поближе к норе, а вдруг Циркач свалится мне на голову? Но он не свалился. Он прыгнул на камни и повернулся ко мне.

– Привет, – сказал он и стал отряхивать колени, долго и тщательно отряхивал, со старанием.

Все-таки он немного боялся. И руки дрожали, и в глаза старался мне не смотреть. Чтобы его хоть как-то подбодрить, я улыбнулся и протянул ему лапу.

Это тоже производит впечатление, мальчишка не удержался и пожал. Это как условный рефлекс: если собака протягивает лапу – ее надо пожать, и наоборот, если просят – ты протягиваешь лапу.

– Ты как? – спросил Пугливый сверху. – Все в порядке? Спокойно?

– Угу. Давай ящики.

Пугливый начал опускать в колодец ящики из-под яблок, легкие деревянные ящики, которые Циркач устанавливал друг на друга. Через пару минут в колодце выстроилась пирамида, все понятно, умненькие детки.

– Надо лезть, – сказал мне Циркач. – Вот так примерно...

– Кто здесь?! – нервно спросил Пугливый. – Кто?!

Мы поглядели вверх, Пугливого не было видно, зато он нервно хлюпнул носом.

– Что такое? – спросил Циркач.

– Мне кажется, тут кто-то есть... – прошептал Пугливый. – Там шевельнулось...

– Да это ветер, – сквозь зубы сказал Циркач.

– Никакой это не ветер! – нервно прошептал Пугливый. – Не ветер! Там черное что-то было! Черное!

– Спокойно! – Циркач принялся устраивать ящик на ящик. – Спокойно, я уже лезу...

Он вскочил на ящик и ловко вылез из колодца и тут же позвал меня сверху:

– Бугер! Давай! Давай лезь!

Я поставил лапы на коробку, собрался, оттолкнулся, перескочил на второй ящик, оттолкнулся еще и вылетел на поверхность. Свобода. Воздух. Свет. Запахи, много, и со всех сторон, за время сидения в колодце я привык к вязкому запаху земли, мха и корней, я зажмурился от ароматов, обрушившихся на меня, потерял дыхание, несколько секунд ушло на то, чтобы проморгаться и продышаться, и запустить голову.

А мальчишки стояли и смотрели в лес, не на меня. Обычный сосновый лес, деревья, смола, лето, с одной стороны лето, и кажется, что все хорошо, что ничего не происходит...

– Я видел! – кивнул Пугливый. – Там же что-то... Пошевелилось!

Я попробовал воздух. Странно. Лес, обычный сосновый лес, деревья, мох, а между ними воздух, бездвижное пространство, заполненное дыханием деревьев. Но почему-то неприятно. Мир продолжал меняться, в нем что-то рушилось, рассыпалось и оседало, ткань мироздания растягивалась и дрожала, как воздух над перегретым асфальтом, наверное, от этого и возникали видения. Мне тоже казалось, что за нами наблюдают.

Или не казалось. Ведь твари добрались досюда.

– Это от жары, – объяснил Циркач. – Воздух разогревается, начинает подниматься – от этого и представляется... Рефракция называется. Или резонанс...

Циркач замолчал.

Все подростки отпетые реалисты, они верят во что угодно – в рефракцию, в дифракцию, в резонанс, во все, но только не в черта. А иногда стоит поверить и в черта.

– Что «или»? – насторожился Пугливый.

– Или наводнение. По телику показывали, что перед стихийными бедствиями люди видят призраков. Это от звука происходит.

В звук, в цвет, не в черта только.

– От какого еще звука? – не понял Пугливый.

– От инфракрасного, – ответил Циркач. – Этот звук люди не слышат, а вот животные слышат. И они от этого звука с ума сходят, на берег выбрасываются...

– Кто на берег выбрасывается?

– Киты, кто еще? Дельфины всякие, осьминоги. А лисы убегают.

Я зевнул, как мяукнул, челюсть при этом хрустнула, Циркач и Пугливый отвлеклись от леса и своих дум и уставились на меня.

– Смотри! – прошептал Циркач. – Смотри, у него лапы все обгрызены!

– Зачем он их обгрыз? – спросил другой, как всегда испуганный.

– Не знаю... Может, он сдвинулся? С ума сошел, пока в яме сидел. Я слышал, собаки отгрызают себе лапы, если сильно психуют.

Надо их шугануть. Рывкнуть, пусть бегут. Они все должны бежать, как можно быстрее, как можно дальше отсюда, теперь здесь небезопасно. Наоборот, лагерь «Лисий Лог» – чрезвычайно скверное место, чрезвычайно, потому что тварь совсем не зря здесь появилась, у нее планы. У них всегда планы.

– Он как-то нехорошо смотрит... Собака то есть...

– А ты как бы смотрел, если в колодце бы просидел?

– Ну да, наверное... Слушай, Власов говорит, он опять вампира видел.

Циркач хихикнул, но неуверенно, оглянулся при этом.

– Ну, хватит, – попросил Пугливый. – Вампира видел... А Бэтмена он не видел? Человек-Паук еще, знаешь ли, он не заглядывал...

– Точно тебе говорю, – прошептал Циркач. – Он ведь даже обделался от страха, и из палаты не выходит.

Теперь хихикнули оба. Но тоже не очень весело, неприятно им.

– Власов черешней отравился, – возразил Циркач. – Вот его и пропоносило, всю бумагу извел...

– А испуган он по-настоящему, и это не от поноса, – хихикнул Пугливый. – Он говорит, что вчера вампир снова в окно палаты заглядывал, долго стоял, смотрел и вроде как когтем по стеклу скреб.

– Я же говорю – черешней отравился, – Циркач снова оглянулся. – Вот его и загнуло.

– Власов говорит, что он на него смотрел, вроде как гипнотизировал. Он вроде как и голос у себя в голове слышал, этот голос его на улицу просил выйти. А наутро Власов у себя под кроватью нашел пучок веток, связанных красной ниткой!

Холод. Он пробежал по животу декабрьским сквозняком, я заворчал, мальчишки посмотрели на меня.

– Странно, – сказал Циркач. – Он как будто понимает. Ему не нравится, когда ты рассказываешь про вампира.

Я зарычал еще.

– Пойдем отсюда. – Пугливый взял Циркача за руку. – Тут что-то происходит. Эта собака, она тоже... Я слышал про таких...

– Может быть...

Циркач смотрел на меня. А я на него.

– Бегите, – сказал я.

– Рычит... – выдохнул Пугливый. – Пойдем, а?

– Наверное...

Они стали пятиться.

– Бегите, – сказал я.

Они не удержались и кинулись прочь. Циркач и Пугливый. Глупые мальчишки, они спасли мне жизнь, вытащили меня из смерти, я их запомню. Спасибо, Циркач и Пугливый. Циркач, он никогда не ел суп, потому что терпеть не мог жареный лук. Пугливый, он всегда носил в кармане маленького резинового дракончика и любил жевать под одеялом хлеб. Они бежали в лагерь, и им было страшно – потому что вчера ночью к ним приходил вампир.

И мне было тоже страшно, потому что я знал – это правда.

Хотелось пить – я вдруг почувствовал жажду, роса росой, но воды мне сильно не хватало, и я побрел к ручью. Я долго искал ручей. Старался его учуять, услышать по увеличивающейся влажности, но ни яичного запаха, ни влажности не слышал, я начал уже подозревать, что дело во мне. Что я утратил нюх и чутье, такие вещи случались, но никогда я не мог подумать, что это случится со мной.

Потом я его все-таки услышал. Пробрался через поникие заросли непонятной травы красноватого цвета и спустился к ручью. Ручей пересох. Это было странно – еще недавно он был холодный и отчасти полноводный, теперь ужаслся почти в два раза, словно ночью появился огромный безмозглый великан и выдул все, чтобы остудить свое разгневанное нутро.

Я осторожно попробовал воду. Теплая. Не то чтобы совсем, но совсем не такая, как раньше, хотя пить можно. И лапы надо лечить, вытягивать лапы.

Лакал, стараясь не спешить, чтобы не повредить желудок и не отравиться, пил медленно, вода словно выпела и не отличалась прежним вкусом, точно трехдневный забытый на подоконнике чай...

Я рыкнул и отступил – по воде медленно плыла кровавая клякса. Вообще-то кровь растворяется в воде, легко растворяется, но сейчас мимо меня проплыл кровавый сгусток размером с кулак, он походил на красного дохлого осьминога. Я шарахнулся в сторону. Откуда тут...

Еще. По воде плыл еще один сгусток, не сгусток даже, приглядевшись, я обнаружил, что это вообще не сгусток, а кусок мяса, из которого торчала длинная, чуть желтоватая жила. Я стоял в воде у берега и смотрел на это. И очень хотел отсюда бежать, вот прямо сейчас.

Конечно, я знал, что я не побегу. Потому что если я убегу, то между Циркачом, Пугливым и тварями не останется никого. А кроме этих двух, еще пятьдесят с лишним голов, вполне себе нормальных людей, которых я не люблю, но и бросить не могу.

Вурдалаки придут – и заглянут в окна, и никто их не встретит, потому что в них никто не верит, верят в резонанс. Вурдалаки придут, окружат здание и дождутся полночного часа, и никто не сможет уйти.

Конечно, я не боец. Какой я боец – я старый, со сломанными когтями, с истертыми лапами, со сбитым дыханием, со сломанными зубами. Я слаб, я слишком много видел, я знаю, как будет. Они заглянут в окна.

Этому не будет конца.

Я двинулся вверх по течению. Брел по воде, стараясь не ступать на песок, перешагивая коряги и камни. Ручей был пуст, стало меньше воды и исчезла рыба, и жемчужницы вылезли на берег, сдохли и протухли, птицы не сожрали их, и над ручьем в некоторых местах воняло, но я брел и брел. Там, впереди, меня ждало страшное, но я знал, что не могу это обойти, судьба. Наверное, судьба, точно, судьба, за поворотом, в глубине.

За поворотом овраг был шире, а берега более отлогие, ручей разливался и достигал метров трех, песок желтого цвета, и еще больше коряг – черных, неопрятных, похожих на ведьмины руки, с длинными лохмами водорослей. Среди этих коряг лежало черное и большое, сначала я испугался, что это человек – по размером походило. И запах примерно такой же – тяжелая вонь протухшего мяса. Я долго не решался подойти. Во-первых, я не хотел видеть мертвеца, ничего хорошего в том, что ты увидел мертвеца, нет. Во-вторых, я опасался ловушки. После колодца мне совсем не хотелось угодить в западню, поэтому я и не торопился, нет, не торопился. В-третьих...

Я решил посмотреть все-таки. Приблизился.

Кабан. Довольно крупный и взрослый, судя по клыкам, как он там называется, секач? Никаких кабанов тут вроде не водилось, во всяком случае, я не замечал. Кабана я бы заметил, то есть следы точно, кабаны, кажется, землю роют, корни жрут, желуди всякие. Тут определенно их не водилось, тут лисы, да и то когда-то. Откуда тогда кабан?

Лежит недавно, но в такую жару все разлагается быстро, ладно, если черви не завелись. А может, и не завелись – мух почему-то нет. В боку, кажется, дыра, из нее кровавые сгустки, а еще из-под загривка торчит сук, причем прошел насквозь – воткнулся в бок, а выскочил из спины, похоже было, что кабан прыгнул сверху и напоролся на эту корягу. Сам, что ли?

Кабан-самоубийца, вот новость. Хотя по нынешним временам все может приключиться. Впрочем, вряд ли это осознанно получилось – скорее всего кабан попросту убегал, да на корягу и напоролся. И сдох в ручье, бывает, целая куча мяса, неплохо бы поесть.

Затошнило. Почему-то мне стало этого кабана сильно жаль. Глупое животное, жило себе в лесу, жевало желуди, коренья выкапывало, а потом раз – и страшно. Так страшно, что забыл он про свои коренья и кинулся бежать, бежал-бежал и на сук напоролся.

Совсем все плохо. Птицы передохли, ручьи пересохли, жара. Я выбрался на берег и вообще выбрался из оврага. Было слышно, откуда этот кабан пришлепал, я отправился по следу. В последнее время я совершал много разных поступков, в которых было трудно различить смысл, вот как сейчас.

Я шел по лесу и видел кабаньи следы. Сломанные ветки, кора, сорванная с деревьев, вырванный мох, кабан, как лиса, пер напрямую, не задерживаясь, до смерти. Так я брел, наверное, километра два или больше, пока не остановился у камня, похожего на яйцо.

Я остановился и понял, что их четверо и они со всех сторон.

Они.

Это похоже на шахматы. Противники еще не успели сделать ни хода, но партия была разыграна, и финал был известен. У меня оставалось еще некоторое время, пока они не начали, и я думал. Почему они не напали сегодня на мальчишек? Это ведь так удобно – эти дурачки сами вышли в лес, подставились, легкая добыча. Но твари не напали, они так и остались в тени, потому что им нужен был я. Я оставался опасен, я мог поломать их план, и они решили со мной покончить.

Уже четверо, постепенно подтягиваются. Четверо. А к вечеру их тут больше десятка будет, а то и два, и голодные. Кабана загнали, а жрать не стали, видимо, просто для тренировки, а может, и этот кабан тоже им мешал чем-то. Или для удовольствия, хищники убивают для удовольствия, я же говорил. К тому же кабанятина не есть их главное блюдо.

Наверное, они все-таки вели меня от колодца. Ждали, пока я останусь один, знали, что я захочу напиться и не пройду мимо кабана, и я не прошел, тоже дурак. Ладно, все равно бы добрались, с кабаном – без кабана. Что дальше делать?

Бежать. Но не сразу, если рвануть сейчас, у них сыграет инстинкт, и они кинутся за мной, не удержатся, разорвут. Поэтому не надо их провоцировать. И надо увести их подальше от лагеря.

Я потянулся, всем своим видом показывая, что ничего не понимаю, что я лопух и готов к тому, чтобы меня разодрали, после чего поковылял, прихрамывая, от лагеря прочь.

Они двигались параллельно, держали меня в плотной коробочке, но как они ни старались, перемещаться совсем беззвучно у них не получалось. Они как-то громко дышали, раньше я за ними такого не замечал, раньше они были почти совсем беззвучные. Все меняется, все.

Я брел по лесу, останавливался, смотрел по сторонам, срывал едва начавшую алеть бруснику, жевал. Твари не отставали. Видимо, хотели того же, что и я. Я хотел увести их подальше от лагеря, они тоже этого хотели – чтобы разобраться со мной по-тихому, без свидетелей. Чтобы не спугнуть взрослых. Потому что лагерь они хотели оставить себе. И остальным – ведь скоро придут остальные.

Надо было выбрать мгновение для рывка. Я шагал, усиленно изображая лопуха, шагал и вдруг понял, что нечего тянуть – надо бежать вот прямо сейчас, сию же секунду.

И я рванул. И охота началась.

Они сразу пустились по следу. Не спешили, растягивая удовольствие.

Почти сразу они разделились – одна вырвалась вперед и вела меня, три чуть подотстали, контролировали фланги, грамотно, как настоящие охотники. Как волки.

Я бежал, знал, что долго не продержусь. Я и недолго не продержусь, я скверный бегун, особенно сейчас. Она догоняла, и я слышал за спиной насекомье с присвистом дыхание, все ближе и ближе. И опять не было страшно, потому что когда бежишь, тебе уже не страшно, ужас – это чувство первых шагов, потом отпускает. Когда бежишь, не думаешь уже ни о чем.

Неожиданно лес изменился. Я почувствовал острый технический запах, природа посерела, и я заметил вдруг, что зелень покрылась пылью, только не смог понять почему. А дальше все происходило быстро. Настолько быстро, что я не успевал думать, успевал только реагировать. Когда я почувствовал, что тварь собирается прыгнуть мне на загривок, я дернул из последних сил.

Я продрался через вялый ивняк и выскочил на дорогу. Это было неожиданно, не думал, что тут есть дорога, здесь ведь глушь, хотя в последнее время дороги строили почти везде, я выскочил на дорогу, и сейчас же над ухом заревел сигнал. Грузовик, американский дорожный крейсер, двадцать тонн, или больше, красная кабина и много хрома, он заревел у меня над ухом, и завизжали тормоза. Я рванул, выдирая с корнем остатки когтей, тормоза уже завывали, в сантиметре за моим хвостом прошло колесо.

Удар, и хруст, и вопль.

В канаве на другой стороне было полно чертополоха, я пролетел через него, раздирая в кровь шкуру, оставляя на иглах шерсть и мясо, и в самом низу я влип в густую грязь. На дороге грохотало, машину разворачивало поперек дороги, а под колесами у нее верещало и рычало.

Машина остановилась, и придорожную канаву накрыло тучей оранжевой пыли, и я почти ничего не видел, кашлял только.

Наверху гудел грузовик, я откашлялся, полез к дороге, во второй раз пробираясь через колючки, во второй раз оставляя на них части себя.

На дороге оседала пыль, в дорожной пыли валялись зеленые яблоки, вывалившиеся из разорванного борта фургона, много яблок. Колеса грузовика были перемазаны черной дрянью, похожей на деготь, дрянь воняла мертвечиной. На дороге за машиной валялась тварь. Она походила на черного паука, неосторожно свившего гнездо в недрах швейной машинки. Машинка заработала, паука сломало и выбросило вон. Попадание под двадцатитонную фуру не смогла пережить даже тварь, в конце концов она тоже часть природы.

Повезло.

Я вообще везунчик, иногда мне кажется, что это совсем не случайно. Меня могли убить много-много раз, и до сих пор не убили. Возможно, в этом на самом деле имелся смысл. Предназначение, то, се. Вот у моего брата было предназначение, все эти мышцы-сухожилия-зубы, вся эта мощь и скорость спрессовалась в тридцать последних секунд, он жил ради этих тридцати секунд. Ну, и умер тоже.

А я нет.

Машина продолжала поскрипывать и пощелкивать, пахло давленными яблоками и солярой, и разлитым кофе, и химической жидкостью из разорванной тормозной системы.

Из кабины вывалился водитель. По лбу у него текла кровь, видимо, рассек бровь. Водитель покачивался и тер переносицу, он увидел тварь и испуганно направился к ней. Мне кажется, он решил, что сбил бомжа. Во всяком случае, фигура в черных лохмотьях очень его напоминала. Не знаю, что подумал водитель про меня, возможно, просто не заметил, дальнобойщики не замечают собак, даже когда те наматываются у них на колеса.

Водитель, покачиваясь, приближался к твари. Он до сих пор не понимал, он думал, что это человек, и лишь подойдя почти вплотную, увидел. И на его лице обозначилось сначала омерзение, а потом ужас. Шофер огляделся и снова меня не заметил. Он собрался и сделал шаг, и нагнулся над тварью, и его тут же вырвало. Ноги у него заплелись, и он упал, запнувшись сам за себя. Весил шофер вполне по-дальнобойному, килограмм за сто, отчего его отползание на заднице выглядело смешно, я бы посмеялся, если бы не то, что лежало в пыли на дороге.

Шофер всхлипнул и понесся к машине. Он долго пытался забраться внутрь, и у него ничего не получалось, то ли ручка была скользкая, то ли еще чего, шофер срывался и падал в пыль. При этом он, кажется, еще и плакал. Наконец у него получилось, и он оказался в машине. Двигатель зафыркал и заработал, машина скрипнула, сдвинулась и, сильно заехав на обочину, покатила по дороге. Тварь осталась лежать и вонять, тогда и я подошел посмотреть.

Редко когда увидишь мертвого демона.

Тварь. Теперь она была похожа на человека гораздо меньше, чем та, с которой я познакомился прежде. Не знаю из-за чего, возможно, эта была старше, возможно, она моталась по лесам, или еще чего, но одежда на ней оказалась изодрана в лохмотья, при всем при том, что тварь была обряжена в толстый джинсовый комбинезон. Колеса фуры весьма сильно ее перемололи, в разные стороны торчали обломанные черные кости, будто бы покрытые мелкой поблескивающей чешуей, да и сама форма этих костей весьма и весьма отличалась – кости были точно составные, сделанные из тонких черных трубок. Вокруг них вились жилы, толстые и на вид весьма крепкие, и мослы весьма сильные. Шкура еще, кожей я бы это не назвал.

Вонь. Ага, вонь сбежавшего из зоопарка ягуара, только больного, почти мертвого, лысого, заросшего паршой. Так могли вонять только они.

Машина уехала, пыхтя пневматикой и взрывая двигателем, я остался один на дороге. Хотя уже не один – кусты шевельнулись и из них появились остальные, три штуки. В покое я смог их разглядеть получше. Они напоминали эту, мертвую. Черные, тощие и узловатые. И не очень напоминали людей. То есть на ту, что мне не посчастливилось встретить ранее, они совсем не походили. С виду люди вроде бы. На первый взгляд. Голова, руки-ноги, одежда. Правда, драная, грязная и какая-то мешковатая, точно одежду эту сняли с более толстых и рослых людей и надели на дистрофиков. Или если бы эти рослые и крупные люди вдруг усохли почти в два раза и от этого почернели. То есть приобрели какую-то синюшную черноту, светившую из глубины кожи, они точно поднялись в мир из шахт, из подземелий, никогда не видевших света. Череп, обтянутый кожей, глаза белые и выпуклые, с маленькими, в точку, зрачками. Коричневые, будто никогда не чищенные зубы, но не расхлябанные кое-как, а острые и злые, готовые к делу. В целом твари походили на оживших мертвецов из фильмов, которые так любила Ли. Вендиг. Какие они, к черту, вендиг...

Да какая разница?!

Они везде. Пугала. Я вдруг понял, что они походят на пугала. Точно пугала ожили и отправились бродить по миру, заглядывать в окна.

И эти пугала стояли у дороги, в зарослях непонятной растительности, на меня они не смотрели, их интересовал друг. Товарищ, не знаю, как там у них. Они выползли из зелени и окружили своего. Я вдруг стал им не нужен.

Я отступил. Я пробирался сквозь ссохшуюся растительность, распадающуюся от моих прикосновений в коричневый прах, и слышал за своей спиной чавканье и хрюканье.

Уходить, надо уходить скорее.

Чем скорее, тем лучше, чем дальше, тем лучше, лучше бы на Северный полюс. Завербоваться ездовой собакой, хотя какая из меня ездовая собака, в лучшем случае возьмут тюрьму сторожить, а это не очень сладкое житие, почти всегда на цепи.

Надо что-то сделать. Надо что-то срочно придумать, срочно, когда они придут стайей, остановить их уже вряд ли получится. Кто их остановит? Физрук и завхоз? Так они ковер нормально выбить не могут... Пугливый и Циркач.

Ворваться в лагерь? Может, так? Изобразить свирепую псину, с рыканьем и брызганьем слюны, испугать повариху, куснуть – чего уж там – физрука – для увеличения эффекта. Завыть, ворваться в живой уголок, задавить шиншиллу. Конечно, это может и подействовать. Сначала бешеные лисы, затем бешеный я... Слишком долго. Для того чтобы поднялся шум, потребуется как минимум два дня, если не больше. А твари будут здесь уже к вечеру, та, что кидала в меня камни, явно разведчик, осматривалась здесь, разнюхивала тропы и наткнулась на меня. Это ее немного смутило. Или насторожило, во всяком случае, она поняла, что им здесь не будет легко, поперхнутся.

Ага, поперхнутся, как они поперхнутся – что я им смогу противопоставить? С одной и то не справиться, если же придет стая, шансов не будет вовсе. Я думал и не находил вариантов. В одиночку я вообще ничего сделать не смогу, сколько ни старайся...

И тут я услышал тарахтение. Громкое чихание, поскрипывание пружин амортизаторов и алюминиевое побрякивание – по дороге с натугой катил лагерный мотоцикл. Идея вспыхнула, и через секунду я уже несся ему вдогонку. То, что я придумал, было опасно. Весьма и весьма, но другого выхода я не видел, быстро и действенно.

Мотоцикл тащился по лесу с трудом, прицеп был забит полными молочными бидонами, двигатель стрекотал, постукивая клапанами и погрохатывая глушителями. Скорость маленькая, километров, наверное, пятнадцать, я собрался и, забыв про ободранные лапы, рванул через лес. Хотя это опять было больно. У меня вообще-то довольно высокий болевой порог, но все равно, для того чтобы когти подзажили, потребуется дня два. Ладно, потерплю.

Дорога виляла между деревьями, я бежал, стараясь обогнать мотоцикл, что оказалось не очень сложно – мотор чихал еле-еле.

Я обогнал его и выскочил перед мотоциклом, метров за двадцать. Наверное, я на самом деле выглядел плохо – водитель затормозил резко, со скрипом, бидоны грохнули и булькнули, водитель ругнулся. Он посмотрел через плечо, испугался, кажется. Меня часто пугаются, особенно в последнее время, после всей этой шумихи в газетах, после этих передач, молочник наверняка их видел. Он помахал мне рукой и сказал:

– Пошел вон!

Вполне так дружелюбно сказал, кстати.

Я сделал несколько шагов в его сторону, он библикнул.

– Не подходи!

Молочник воткнул первую передачу и покати́л прямо на меня, с сильно перепуганным лицом, с дрожащими руками, я немного разбежался и прыгнул.

Килограмм шестьдесят. Плюс моя скорость, плюс скорость мотоцикла. Этого оказалось больше чем достаточно, я только выставил перед собой лапы. Я не очень хорошо разбираюсь в математике, но, думаю, на молочника пришлось килограммов двести, из седла он вылетел легко. Мотоцикл еще некоторое время прокатился без водителя и врезался в дерево. Несильно.

Молочник тоже повредился не сильно, почти сразу поднялся и побежал, чуть приволакивая правую ногу, в сторону лагеря. Жить будет. Если вовремя уберется отсюда, подальше от лагеря, вообще подальше.

Я рывкнул ему вслед, еще пару раз, для придания скорости, это подействовало, молочник побежал резвее, оглядываясь и матерясь. Время терять было нельзя, я поспешил к мотоциклу.

Цилиндры потрескивали, остывая, я перехватил зубами бензошланг, сорвал его со штуцера, идущего к карбюратору. Бензин потек на землю, зазмеился мелким ручейком в сухую придорожную траву, сухая трава – лето жаркое, хотя бы что-то в этой жаре полезное. Когда земля промокла достаточно, я перевел шланг на выхлопную трубу. Бензин зашипел, испаряясь, но вспыхнул не сразу, трубы успели остыть, я уже испугался, что ничего не получится, но все-таки полыхнуло. Огонь побежал по цилиндрам, лизнул бак. Я отскочил в сторону. Пламя разбегалось по сторонам, занималась трава и кусты, и рванул бак, громко и мощно, я не ожидал, что так получится.

Пламя прыгнуло на ближайшую сосну, лето жаркое, смолы много, через минуту пламя поднялось до веток, еще через минуту дерево горело целиком, с жадным треском, плюясь смолой и разбрасывая в стороны горящую хвою. Трава тоже загорелась, и несколько деревьев вокруг, я пятился и пятился, огонь разбегался по кронам. Пожар. Самый настоящий пожар.

Лесные пожары – бич жаркого лета. Как начнутся, так и не остановишь, сначала лес, потом торфяники, потом все сразу. Когда начинается пожар, эвакуируют всех.

А потом – они не любят огонь. Твари. Они боятся огня, любая тварь его боится, я и то боюсь. Я уходил. Смотрел в небо. Пламя разбегалось с треском, я шагал под огненным куполом, это было красиво, честное слово. От дороги огонь начал расходиться в стороны, сначала медленно, затем все веселей и веселей. Воздух разогревался и поднимался, и на его место втягивался другой, холодный, он раздувал пламя, пожар раскручивал сам себя, лес давно ждал – или огня, или дождя, и явился огонь.

Глава 6

Встреча

Лагерь спасти не удалось. Пожар разбежался по лесу несколько быстрее, чем я рассчитывал. Огонь с нетерпением перепрыгивал с дерева на дерево, огонь хотел жрать. Через полчаса из города подкатили две пожарные машины и автобусы.

Я наблюдал издали. Выбрал безопасное место – рядом с водокачкой. Перед отъездом физрук открыл вентили, и из них до сих пор вытекала вода, она уже промочила весь холм и сбегала к лагерю ручьями, когда придет огонь, водокачка загорится не сразу, впрочем, огонь обойдет ее по сторонам и все равно возьмет свое.

Люди уходили. Детей торопливо загоняли в автобусы. Дети совсем не были испуганы, скорее наоборот – пожар стал для них развлечением, многие смеялись и снимали на телефоны поднимающийся над деревьями дым. Наверное, если им разрешили бы, они дождались бы и огня – чтобы получились красивые кадры.

Но пожарные знали что надо делать, они подталкивали любителей прекрасного в спину и в течение нескольких минут затолкали их в автобусы, пересчитали по головам и отбыли. Последним отчалил физрук, он долго стоял, оглядывая лагерь, и мне казалось, что ему было грустно. Он был как капитан, прощался с тонущим кораблем, бросал последний взгляд на лагерь, обливался слезами сердца. Это было так трогательно, я сам едва не прослезился, честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.